

Виктор Старицын
Цикл
БОЕВОЙ 41 ГОД

Если завтра война
Блицкриг — капут

Виктор Старицын

БЛИЦКРИГ — КАПУТ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С77

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 223

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Старицын, Виктор Карлович

С77 Боевой 41 год: Блицкриг — капут: роман / Виктор Старицын. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2022. — 448 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-149739-2

Руководство Советского государства перед войной серьезно готовилось к отражению агрессии. В укрепленном предполье главного оборонительного рубежа, проходящего по Линии Сталина, вермахт был задержан на две недели, так необходимых СССР для проведения мобилизации. В результате СССР получил почти двухкратное превосходство над вермахтом в живой силе и значительное превосходство во всех видах вооружений. Была сохранена кадровая армия...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-149739-2

© Виктор Старицын, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Введение

После подписания пакта Молотова — Риббентропа, последующего нападения Германии на Польшу и объявления Францией и Англией войны Германии Генеральный секретарь Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) Иосиф Виссарионович Сталин совершенно перестал опасаться нападения Германии на СССР. Пакт был выгоден обеим сторонам.

Из его собственного геополитического анализа следовало, что Гитлер ни за что не рискнет воевать на два фронта, то есть, не завершив войну с Францией и Англией, на СССР он не нападет. Для такого вывода имелись более чем веские основания. Все немецкие военные теоретики в один голос категорически не рекомендовали воевать на два фронта. Кроме того, Германия в соответствии с пактом получала от СССР на взаимовыгодной основе важнейшие виды сырья и продовольствия.

Германия обезопасила себя с востока, а СССР получил возможность подгрести под себя бывшие территории Российской империи: Бессарабию, Западную Украину и Западную Белоруссию, Эстонию и Латвию, отколовшиеся от империи после гражданской войны.

В реальной истории после Польского похода Красной армии Сталин переориентировал советскую военную доктрину на наступательную войну. Он планировал к середине 1942 года в спокойной обстановке перевооружить Красную армию и флот новейшим наступательным оружием, дожидаться, пока Германия увязнет в войне с Францией и Англией, и ударить в спину немцам.

Оборонительные мероприятия в СССР были резко сокращены.

Даже быстрый разгром Франции в 1940 году не убедил Иосифа Сталина. Он продолжал ждать вторжения немцев на Британские острова и готовил свою армию к нападению. Однако Гитлер перехитрил советского вождя. Нападение Германии застало СССР врасплох и привело к катастрофическим последствиям.

В разрабатываемой альтернативной реальности в ночь на 1 октября 1939 года Сталину приснились кошмарные сны, в которых его мучили немецкие фашисты. Обдумав это из ряда вон выходящее событие, он сделал вывод, что подсознание предупреждает его: рано он сбросил со счетов возможность нападения Германии на Советский Союз. Сталин снова вернулся к оборонительной военной стратегии и довел свою обеспокоенность до руководящей верхушки СССР.

Руководство ВКП(б), Совнаркома и РККА осознало грозящую опасность и деятельно готовилось к отражению агрессии. Все программы производства наступательных вооружений были сокращены в пользу оборонительного оружия. Структура, стратегия и тактика вооруженных сил страны были пересмотрены под решение задачи стратегической обороны.

В альтернативной реальности диктаторы психологически «поменялись местами». В нашей реальности Сталин всецело доверял своему геополитическому анализу и с порога отметал все противоречащие ему факты.

В реальности «Боевого 41 года» в «страусиной» позиции оказывается Гитлер. Он игнорирует все факты, не укладывающиеся в его концепцию, и категорически настаивает на выполнении плана «Барбаросса» без каких-либо поправок.

Опасаясь агрессии Германии, Сталин прислушался к мнению Шапошникова, Тимошенко, Жукова и поло-

жил в основу своей стратегии на дебютный период войны план глубоко эшелонированной позиционной обороны. За 1940-й и половину 1941 года была создана стратегическая оборонительная позиция из трех укрепленных рубежей и полосы укрепленного предполья общей глубиной от 250 км на южном фланге в Причерноморье до 450 км на северном фланге в Прибалтике.

Все соединения предполья, передового и главного рубежей были полностью укомплектованы личным составом и вооружениями. На передовом рубеже и в предполье главного рубежа подготовлены основательные полевые укрепления. Главный рубеж, опирающийся на старую Линию Сталина, насыщен долговременными бетонными сооружениями с артиллерийским вооружением.

На тыловом рубеже созданы запасы вооружения, боеприпасов, ГСМ, снаряжения, продовольствия и фуража, а также кадровое ядро соединений и частей для формирования войск второго эшелона по мобилизационному плану, общей численностью почти такой же, как и войска первого эшелона. Заранее подготовлены полевые укрепления для формируемых войск.

По совету военных специалистов, Сталин провел модернизацию имеющегося парка танков и самолетов, пойдя ради этого даже на значительное сокращение производства новой техники.

Оборонные заводы были заблаговременно переведены на работу в режиме военного времени. К работе на заводах привлечены заключенные, имеющие рабочие специальности. К производству вооружения и боеприпасов заранее подключились гражданские заводы, согласно мобилизационному плану.

Штатная структура стрелковых соединений была оптимизирована под задачу позиционной обороны, а танковых и мотострелковых — под задачу маневренной обороны.

ВКП(б) провела ряд мероприятий, направленных на улучшение положения колхозного крестьянства с целью снижения социальной напряженности в деревне.

Власти резко ослабили размах репрессий, провели широкую амнистию, а также пересмотр дел с целью сокращения сроков заключения и облегчения мер пресечения для заключенных по политическим статьям.

Благодаря возвращению к работе большого количества ученых и специалистов удалось наладить производство целого ряда перспективных систем оружия и насытить ими армию. Это, прежде всего, ПТР, зенитные автоматы, САУ и ЗСУ, тягачи на базе устаревших танков, бронетранспортеры, самолеты-штурмовики, системы залпового огня, автоматические гранатометы, пистолеты-пулеметы.

Помимо возвращения на службу репрессированных военных для скорейшей ликвидации кадрового голода в РККА были приняты экстренные меры по подготовке большого количества командиров. Выпуск командирских училищ резко увеличили за счет набора на обучение по сокращенной программе красноармейцев, отслуживших срочную службу в рядах Красной Армии и обнаруживших склонность к военной службе, на основании рекомендаций командиров частей.

Одним словом, СССР подготовился к войне, насколько это было возможно.

21 июня 1941 года. Совещание у Сталина

В субботу Сталин изменил своему обыкновению начинать рабочий день тогда, когда обычные люди обедают. Тимошенко, Жуков, Молотов, Берия, Орлов, Шапошников получили вызов к вождю на 9 часов утра. Тема сбора заранее не сообщалась, но все приглашенные и так понимали, о чем пойдет речь.

Орлов сразу же доложил последние новости с границы. По сообщениям пограничников, войска противника

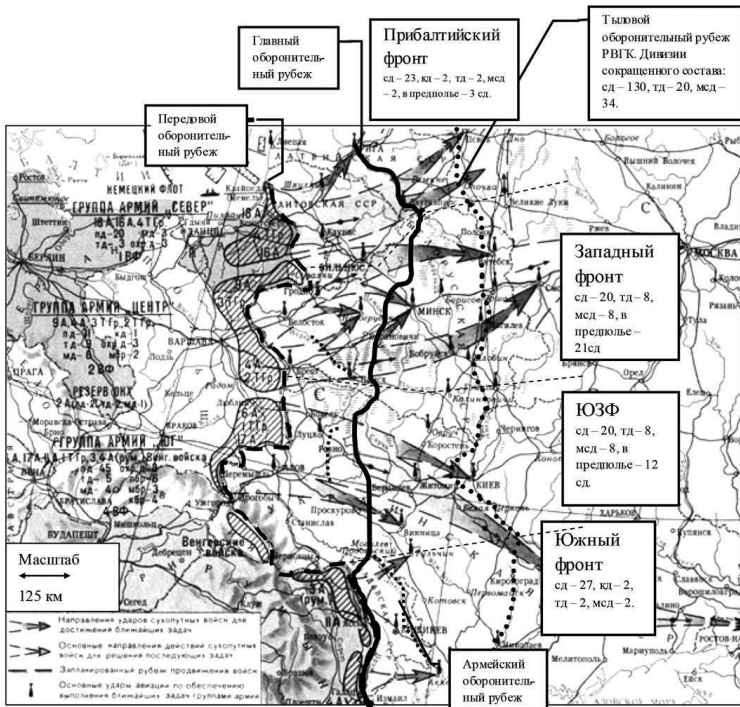

Рис. 1. Предвоенные планы Германии и СССР

выдвинулись к границе и снимают заграждения. За вчерашний день зафиксировано 60 нарушений границы немецкими самолетами. Немецкий перебежчик сообщил, что нападение начнется 22 июня на рассвете.

Молотов сообщил, что в немецком посольстве интенсивно жгут бумаги. По дипломатическим каналам поступили донесения, что немцы нападут завтра в 3 часа утра. Немецкие суда выходят из всех наших портов, не завершив погрузку и выгрузку.

Тимошенко заявил, что больше ждать нельзя, нужно приводить войска в полную боевую готовность.

Сталин оглядел присутствующих, задержав взгляд на Жукове.

— Ну что же, товарищ Жуков, вот и пришло время оправдать доверие, которое вам оказано. Для нас всех наступил момент истины. Товарищ Тимошенко, готовьте прямо здесь директиву, я ее подпишу.

Тимошенко после минутного раздумья быстро написал на листе одну фразу:

«Ввиду возможности нападения немецких войск на СССР в ночь на 22 июня 1941 года с 16 часов 00 минут 21 июня привести войска западных округов, ВВС, ПВО и ВМФ в полную боевую готовность, вскрыть пакеты с планом боевых действий»¹.

¹ В текущей реальности директива была подписана 21 июня в 22 часа 20 минут. Из-за большой длины ее текста и необходимости шифровки-дешифровки она была отправлена в военные округа только в первом часу ночи, дошла на уровень армейских штабов в 2–3 часа ночи, а в большинство соединений и частей она попала только после начала боевых действий. Да и текст директивы был, мягко говоря, двусмысленным: «...2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. ...5. Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить». Двусмысленный текст директивы свидетельствует о том, что Сталин все еще доверял письму Гитлера, который предупреждал его о возможности провокаций со стороны немецких генералов. Поскольку войсковые командиры перед войной были задерганы постоянными указаниями не провоцировать немцев, эта директива, даже там, где ее получили, принесла больше вреда, чем пользы. Известны случаи, когда зенитчики, находясь под бомбежкой, не открывали огонь! В боевую готовность подразделения привели, а огня не открывали, так как открытие огня — это уже «другое мероприятие». А за самовольство командир вполне мог отбыть по этапу на «десять лет без права переписки». «Десять лет без права переписки» — формулировка приговора, которую в период сталинских репрессий в СССР часто сообщали родственникам репрессированного, который на самом деле был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Подобная формулировка, как указывают исследователи сталинских репрессий, могла использоваться для сокрытия их реальных масштабов. Получив такую информацию, родственники осужденных годами надеялись, что те еще вернутся из лагерей, хотя на деле их уже давно не было в живых.

Сталин взял лист в руки, долго смотрел на него, затем размашисто подписал и вернул Тимошенко. Поднявшись из-за стола, он еще раз пристально оглядел всех присутствующих и сказал:

— Действуйте, товарищи военные, теперь все в ваших руках.

Ночь с 21 на 22 июня 1941 года

Ласковая летняя ночь накрыла землю своим теплым крылом. Последние отсветы долгой вечерней зари покинули небосвод. Стемнело сначала в Молдавии и Румынии, затем на Украине и в Венгрии, потом в Белоруссии и Польше. Дольше всего заря задержалась в Прибалтике и Восточной Пруссии. Безоблачный небосклон усеяли яркие перемигивающиеся звезды. Трещали сверчки, в тиши далеко разносились трели соловьев. Наступила роковая ночь — ночь накануне второй отечественной войны русского народа. К западу от советско-германской и советско-румынской границ все было так же, как и в нашей реальности перед началом Великой Отечественной войны.

Прогревали моторы боевые самолеты, загруженные бомбами и заправленные топливом. Ревели танки, выходящие на исходные позиции. Артиллеристы еще раз выверяли установки прицелов и пересчитывали снаряды, заскладированные на боевых позициях. Пехотинцы тащили к лесным опушкам надутые резиновые лодки и плотики. Все было готово. Последняя пуговица последнего солдата заняла свое место на лацкане мундира.

Рейхсканцлер Адольф Гитлер, несмотря на неоднократные доклады войсковой и агентурной разведки, упорно не желал вносить какие бы то ни было поправки в план «Барбаросса». Конечно, ему было известно, что Советы отвели большую часть полевых войск на линию старой границы, а основную часть танковых и моторизо-

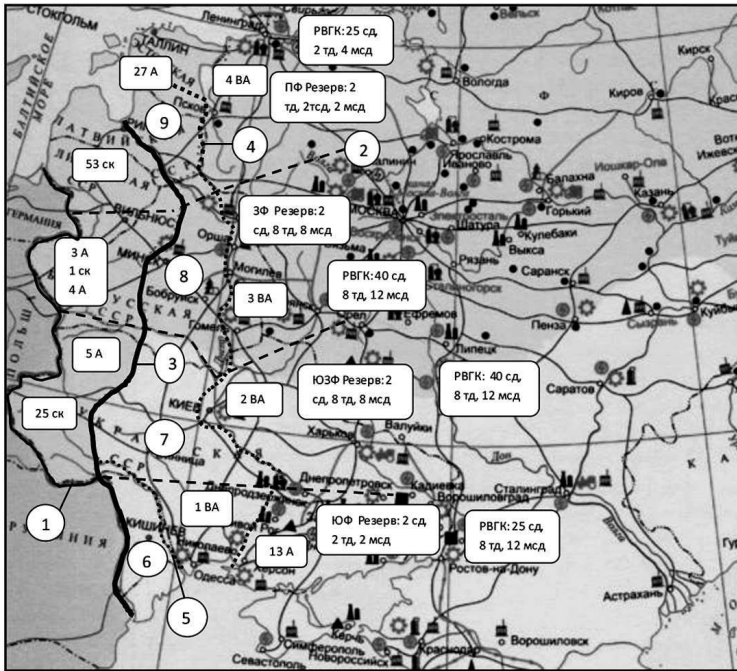
ванных соединений — даже за Линию Сталина, что на новой границе осталось только относительно слабое пехотное прикрытие. Несмотря на настойчивые попытки генералитета внести поправки в план нападения, Гитлер продолжал настаивать на неукоснительном выполнении плана «Барбаросса».

Он полностью доверял своей интуиции и был убежден, что «озарение» послано ему свыше. Свое политическое чутье он считал абсолютным. Это чутье говорило ему, что после первых же неудач советская система рассыплется как карточный домик. Могучие танковые клинья вермахта пробьют насквозь всю приграничную оборону русских и без задержки прорвут укрепления Линии Сталина. Нордическая твердость и несокрушимый боевой дух германского солдата в очередной раз покажут свое полное превосходство над славянскими унтерменшами. Талантливые генералы вермахта переиграют на полях сражений полуграмотных русских недоучек.

Ну и что с того, что русские отвели большую часть войск за старую границу. Значит, они будут окружены не за новой границей, а за старой — лишь на несколько дней позже. Оказавшись в котлах, рядовые солдаты, недовольные большевистским режимом, тут же перебьют офицеров, побросают оружие и разбегутся.

Из донесений агентурной разведки он знал, что Сталин выпустил уцелевших в лагерях офицеров и вернул их на службу, но совершенно не придавал этому значения.

Во-первых, вернулось не более трети, да и то не из самых лучших. Самые лучшие, благодаря абверу, поголовно расстреляны. Во-вторых, какой может быть боевой дух у замордованных, униженных, втоптаных в лагерную грязь людей? Офицер силен своим гордым духом, чувством собственного превосходства и своей незаменимостью.

1. Государственная граница СССР. Передовой оборонительный рубеж. —
2. Разграничительные линии между фронтами. - - - -
3. Главный оборонительный рубеж. —
4. Тыловой оборонительный рубеж. ······
5. Армейский оборонительный рубеж. ······
6. Войска Южного фронта на главном рубеже: 9 А и 26 А.
7. Войска Юго-Западного фронта на главном рубеже: 6 А, 12 А.
8. Войска Западного фронта на главном рубеже: 10 А, 24 А.
9. Войска Прибалтийского фронта на главном рубеже: 8 А, 11 А.

Примечание: на карте указано расположение важнейших промышленных и горнодобывающих предприятий.

Рис. 2. Дислокация войск РККА на западном направлении по состоянию на 21 июня 1941 года

Ничего этого нет и не может быть у бывших лагерников.

Никаких корректировок в план «Барбаросса» внесено не было.

Даже на сообщение войсковой разведки о приведении русскими своих войск в полную боевую готовность, поступившее в 22:15 по берлинскому времени, Гитлер не прореагировал. Пришедшему к нему с докладом об этом начальнику генштаба сухопутных войск Гальдеру он сказал:

— Ну что же, значит, тактической внезапности у нас не будет, но это и не слишком важно, поскольку русские отвели свои войска в глубину территории. Зато все остальные факторы нашего превосходства остаются в силе. Приказ о наступлении отменять или корректировать не будем. Машина запущена!

К востоку от границы обстановка радикально отличалась от имевшей место в нашей реальности.

Все войсковые части передового рубежа и предполя с 16 часов заняли подготовленные позиции в полном боевом снаряжении. В городах и населенных пунктах введено затемнение и комендантский час с 22 часов по московскому времени. Авиаполки рассредоточили свои самолеты по полевым площадкам и замаскировали. Силы ПВО приведены в полную боевую готовность. Танковые и моторизованные соединения покинули свои городки и рассредоточились в окрестных лесах.

Никто в Красной Армии в эту ночь не спал.

Часть I
22 июня 1941 года.
САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

Глава I
ПОВЕСТЬ О МАЛОМ ГАРНИЗОНЕ

В 13 часов 40 минут дежурный по гарнизону вызвал младшего лейтенанта Иванова к телефону, и знакомый голос комбата объявил сигнал «Озеро Ильмень» с 16 часов.

— Вас понял, сигнал «Озеро Ильмень» в 16 часов принял, — машинально ответил Иванов, не успев осознать, что именно он принял.

После паузы комбат переспросил:

— Ты все понял?

Также, после паузы, лейтенант четко и отдельно от-
рапортовал:

— Так точно, понял!

— Тогда действуй, — сказал комбат и отключился.

С полминуты мамлей стоял неподвижно, собираясь с мыслями. Кодовый сигнал «Озеро Ильмень» означал боевую тревогу и вскрытие секретного пакета с приказом. Затем, приказав дежурному по гарнизону собрать всех командиров, спустился в нижний отсек дзота, приказал радисту сделать запись в журнале о принятом сигнале, расписался сам под записью, достал из-под стола радиста металлический ящик с сургучной печатью на бечевке и снова вылез в боевой отсек.

Когда командиры гарнизона собрались, Василий Иванов объявил:

— По приказу командования с 16 часов вводится боевая готовность номер один. Вскрываю пакет с приказом.

Затем сорвал печать, открыл ящик, разрезал финкой пакет и зачитал приказ по гарнизону.

Ничего принципиально нового для себя командиры из приказа не узнали. Взводу Иванова с приданными подразделениями предписывалось оборонять от наступающего противника мост через реку Йотия на дороге Славикай — Юрбаркас, затем по приказу командования взорвать мост и препятствовать противнику в его восстановлении, потом, опять же по приказу командования, отступить на соединение с батальоном. В приказе подробно расписывались условия подрыва моста и отхода с позиции в случае отсутствия связи со штабом батальона. Прилагались таблицы кодовых слов для радио- и телефонной связи на пять суток.

Василий оглядел подчиненных командиров и осведомился, все ли уяснили приказ. Вопросов не было, кроме одного, который, однако, волновал всех:

— Это что же, война?

— Я знаю не больше вашего, — ответил Василий, — но, похоже, что так. Зазря такие приказы не отдаются. Теперь о срочных делах.

В течение следующих пяти минут Василий отдал все необходимые распоряжения: установить дежурство командиров на НП по графику, усилить караулы, запретить личному составу покидать расположение, выдать боекомплект бойцам и расчетам, проверить вооружение и поставить его на боевые позиции, поставить минное поле на боевой взвод, начальнику хозчасти раздать патроны ездовым и выставить парный караул у хозчасти и загона с лошадьми, благо сержант Прохорчук как раз был в опорном пункте, привез вместе с поваром обед.

Отпустив подчиненных выполнять распоряжения, младший лейтенант Иванов вылез из дзота и поднялся на НП, проще говоря, залез на перекрытие дзота, бывшее самой высокой точкой опорного пункта. Поскольку дзот

был обсажен уже принявшимися кустами, то сидящий на дзоте человек был совершенно не заметен со стороны. Там постоянно стелили свежую охалпку сена, накрытую плащ-палаткой, так что наблюдателю было вполне комфортно.

Глядя сверху на забежавших по окопам и ходам сообщения бойцов, Василий попытался представить, что сейчас делается у соседей. На четвертый и пятый день пребывания в должности командира гарнизона, после подробного знакомства с опорным пунктом и его ближайшими окрестностями, он, с разрешения комбата, побывал у всех соседей, с которыми придется взаимодействовать.

В восьми километрах южнее, вблизи селения Славикай, на довольно крупной реке Шешупе, отделявшей Литву от Восточной Пруссии, размещалась погранзастава в составе примерно стрелковой роты. Командир погранцов капитан Кондратьев — коренастый, уверенный в себе крепыш лет тридцати — напомнил Василию его первого ротного во времена срочной службы в Средней Азии и боев на Халхин-Голе. Застава оборудовала себе очень приличный опорный пункт с четырьмя двухамбразурными дзотами. Василий не сомневался, что прежде чем немцы доберутся до него, им придется как следует обломать зубы о капитана Кондратьева и его бойцов.

В семи километрах на северо-запад, ниже по течению Йоти, опорный пункт первого взвода их собственной первой роты прикрывал мост на дороге Славикай — Сударгас.

У селения Готлибишкяй в семи километрах восточнее Славикая мост через речку Сиесартис оборонял гарнизон из третьего стрелкового и опорного взвода их роты.

На околице Сударгаса в восьми километрах к западу на перекрестке дорог стоял опорный пункт взвода второй роты.

В четырех километрах севернее, позади гарнизона Иванова, перекресток двух важных дорог у селения Кидуляй прикрывал двухвзводный опорный пункт второй роты. Еще один взвод второй роты оборонял перекресток дорог примерно посередине между селениями Сударгас и Кидуляй.

И наконец, в шести километрах позади них, у городка Юрбаркас, важнейший автомобильный мост через реку Неман прикрывал двухротный опорный пункт, там же находился и штаб батальона.

В общем, проехав по всем опорным пунктам и познакомившись с их командирами, Василий пришел к выводу, что в зоне ответственности их батальона, имевшей размеры примерно 14 на 14 км, опорные пункты размещены наилучшим возможным образом. Противнику, чтобы добраться до моста через Неман с любого направления, придется миновать не менее трех опорных пунктов. Обдумав все это еще раз, Василий приободрился. Война с Германией не шутка, но они не одни, и у них есть чем за себя постоять.

Деловая суета в гарнизоне продолжалась. Расчет ДШК с помощью стрелков тащил свой тяжеленный пулемет из дзота на позицию для зенитной стрельбы. Минометчики уже выставили в дворики свои «самовары» и теперь волокли из блиндажа к минометам ящики с боеприпасами. Тем же занимались и артиллеристы.

Трое взводных минеров деловито передвигались между внешним и внутренним проволочными заграждениями от мины к мине. У них работы было больше всего. С каждой заранее установленной мины нужно было надрезать и приподнять дерн, снять промасленную бумагу, ввернуть взрыватель, выдернуть чеку, осторожно уложить дерн на место и выдернуть колышек, обозначающий мину. Затем идти к следующей мине, ни в коем случае не возвращаясь назад. Всего им нужно было по-

ставить на боевой взвод 60 противотанковых и 130 противопехотных мин.

В 15:45 все приготовления были закончены, и Василий доложил в батальон о выполнении сигнала «Озеро Ильмень». С 16 до 20 часов по графику на НП должен был дежурить артиллерист Сидоров. Себе Василий назначил дежурство с полночи, поскольку считал, что события, скорее всего, если начнутся, то ночью.

Слухи о приближающейся войне с немцами бродили уже давно. А в последнюю неделю местные жители, проезжая через пропускные посты взвода, говорили об этом уже в открытую. Сегодня дорога была до странности пустынна. За весь день по обычно оживленной дороге прошла только одна полуторка с бойцами и грузом к пограничникам. Местные жители как будто все попрытались.

В половине пятого на машине с тремя бойцами подъехал замкомбата капитан Колесников. Проверил готовность, сказал Василию, что сегодня ночью возможно нападение Германии на СССР, приказал бдить неусыпно и поехал дальше к погранцам. Больше до конца дня никаких событий не произошло.

В полночь Иванов занял пост на НП, сменив минометчика Петрова. Стояла полная тишина, нарушаемая лишь стрекотом сверчков и звучными трелями соловья. Повозившись на сене, накрытом плащ-палаткой, Василий повернулся на спину. Летнее ночное небо развернуло над ним все свои невероятные красоты. Луна еще не взошла. Перемигивались звезды, пересекал небосвод из края в край Млечный Путь.

Он знал, что помимо него бодрствуют еще по три бойца в пропускных будках, по одному бойцу от каждого стрелкового взвода во внешнем кольце окопов, дежурный связист да двое часовых в хозблоке в лесу.

В ночной тьме позиции взвода лишь смутно угадывались, но Василий и так представлял их совершенно от-

четливо. Иванов с некоторым смущением подумал, что впереди, похоже, большая война, а он командует взводом всего неполный месяц. Хотя совсем уж зеленым салагой он себя не считал.

23 мая 1941 года, после успешного окончания Ташкентского пехотного училища и утомительной дороги, младший лейтенант Иванов Василий прибыл для прохождения службы в 314-й стрелковый полк 133-й стрелковой дивизии, расквартированный в окрестностях литовского городка Шакай. Представившись командиру полка и оформив все необходимые бумаги в штабе, Василий получил назначение на должность командира 2-го взвода 1-й роты 2-го стрелкового батальона и в тот же день на попутной машине с приказом о назначении в руках отправился к месту службы.

В училище Иванов попал по рекомендации командования стрелковой бригады после срочной службы. В составе бригады, дислоцировавшейся в мирное время в Ферганской долине, ему пришлось два с половиной месяца повоевать на Халхин-Голе. Нашивка за легкое ранение и медаль «За отвагу» свидетельствовали, что воевал Василий хорошо. Срочную закончил старшим сержантом, командиром отделения.

Полугодичный ускоренный курс училища дался ему легко. По всем практическим дисциплинам имел пятерки, по теории — в основном четверки. По успеваемости он закончил обучение восьмым на курсе и, как все окончившие в первом десятке, получил право выбора места службы. Он немного жалел, что не вошел по успеваемости в первую тройку выпускников, которым при выпуске сразу присвоили звание лейтенанта, но и не переживал особо по этому поводу.

Послужив в Средней Азии и в Монголии, парень из сибирского городка в Томской области захотел посмотреть дальний запад своей страны и выбрал службу в Прибалтике.

До своего взвода он добрался под вечер, познакомился с комсоставом и лег спать. Наутро предстояла приемка дел.

Младший лейтенант Савосин, которого заменял Иванов, направлялся в штаб полка для нового назначения. После завтрака они вдвоем обошли все позиции взвода. И не только взвода. Командир взвода одновременно командовал гарнизоном отдельного опорного пункта, в который, помимо самого стрелкового взвода в составе трех стрелковых и опорного отделения, входили еще и приданные подразделения: расчет противотанковой пушки из семи человек под командой младшего лейтенанта Ивана Сидорова, два расчета 82-мм минометов из восьми человек младшего лейтенанта Константина Петрова и расчет пулемета ДШК из четырех бойцов во главе со старшим сержантом Кондратом Васильевым. А всего — 70 человек, из них три младших лейтенанта.

Отделениями взвода командовали четыре старших сержанта — Конюков, Дубинин, Власенко и Дементьев. Хозяйственной частью заведовал сержант Прохорчук. Командир опорного отделения Игнат Конюков по совместительству исполнял обязанности замкомвзвода. Поскольку вся их 133-я дивизия была развернута из запасной дивизии сокращенного состава только минувшей зимой, большую часть бойцов составляли первогодки осеннего и весеннего призыва. Остальные бойцы были переведены из Сибирского военного округа на втором и третьем году службы. В основном они получили звания сержантов и младших сержантов, а также составили расчеты тяжелого пехотного оружия.

Вооружение гарнизона показалось Василию весьма внушительным: одна противотанковая «сорокапятка», два ротных миномета, крупнокалиберный пулемет ДШК со станками для зенитной и настильной стрельбы, один «максим», два противотанковых ружья, три руч-

ных пулемета, восемь самозарядных винтовок, шесть автоматов, тридцать винтовок. В Монголии такого арсенала не имела и целая стрелковая рота. Василий даже себя зауважал. Под его командой оказался не простой взвод, а маленькая часть со своей артиллерией, минометами и зениткой. Можно воевать не только с пехотой, но и с танками и с авиацией!

Опорный пункт взвода контролировал мост на речке Йотия в 8 км от границы с Восточной Пруссией на дороге от села Славикай в городок Юрбаркас на реке Неман. Взвод занимался строительством опорного пункта с середины марта, в середине апреля на усиление прибыли артиллеристы, минометчики и расчет ДШК. К приезду Василия все работы были закончены, и взвод занимался боевой учебой.

Вместе с Савосиным они обошли все окопы, ходы сообщения, блиндажи и проволочные заграждения. Все было в полном порядке, и в 12 часов акт приемки и сдачи командования был подписан. Савосин попрощался с товарищами и отбыл в Шакяй.

Сейчас, оглядываясь вокруг, младлей Иванов ясно представлял себе каждый блиндаж, каждый окоп и каждого бойца, который займет место в окопе. Василий уже помнил в лицо всех своих бойцов.

Вымощенная булыжником дорога от села Славикай слегка поблескивала в свете взошедшего месяца. В 1800 м к югу дорога выходила из лесного массива и пересекала широкое ровное поле, полого спускавшееся к реке, проходила по деревянному мосту мимо опорного пункта взвода и в 400 м к северу опять ныряла в небольшой лесок. За леском она проходила через село Кидуляй и далее шла к большому автомобильному мосту через Неман.

Невеликая речка Йотия шириной где пять, а где десять метров, и глубиной где по колено, а где по пояс, текла через поле в довольно широком логу в общем направ-

лении с юга на север. Лог, вероятно, в давние времена был руслом более солидной реки и имел ширину метров пятьдесят-семьдесят. Пологие берега лога высотой три-четыре метра ограничивали причудливые петли речушки. Казалось бы, пустяковая речка, однако ее топкое илистое дно, как и влажный заливной луг на дне лога, делали невозможным проезд не только автомобилей, но и танков. Мост через эту несерьезную речку был кратчайшим путем от границы в сторону важнейшего моста через Неман на участке шириной 15 км.

Опорный пункт взвода располагался на пригорке — на правом берегу реки. Речка в этом месте протекала под левым берегом лога, поэтому мост вел с высокого левого берега на земляную насыпь, пересекающую лог под прямым углом. Мост, дорога и насыпь находились ниже опорного пункта.

На макушке пригорка стоял дзот, две амбразуры которого контролировали мост, насыпь и всю дорогу до дальнего леса. Во фронтальной амбразуре размещался ДШК, а во фланговой — «максим». Под верхним боевым отделением дзота размещался еще один подземный этаж, где хранились боезапас, рация, телефон и одна из двух машинок, которые подрывали заряды под мостом и в насыпи. Дзот окружали два кольцевых окопа, один в 15 м, другой в 35–40 м от дзота. Между внешним и внутренним окопами размещались два жилых блиндажа стрелковых отделений, блиндажи артиллеристов, минометчиков и расчета ДШК. Для хранения снарядов и мин к минометам служили два отдельных блиндажа. Еще два блиндажа стрелковых отделений были врыты в склон лога и имели по одной амбразуре для стрельбы из ручных пулеметов и ПТР. В правом блиндаже размещалась резервная подрывная машинка. Каждый из блиндажей имел перекрытие в три наката толстых бревен и земляную насыпь в полметра. Изнутри стенки блиндажей обшили жердями.

Для противотанкового орудия отрыли два дворика: один глубокий с сектором обстрела вдоль дороги на юг и один мелкий с круговым сектором обстрела. Под каждый миномет и для зенитной стрельбы из ДШК подготовили по два глубоких дворика. Стенки окопов и двориков укрепили плетнем из прутьев. Дзот и все брустверы обложили дерном и обсадили принесенными из леса кустами.

Опорный пункт по периметру окружали два кольца из колючей проволоки: ближнее на расстоянии 30–40 м от окопов, и внешнее — на расстоянии 100–120 м. По фронту опорного пункта внешнее кольцо шло по берегу речки, а внутреннее — по берегу лога. Справа от опорного пункта дорога проходила между внешним и внутренним кольцами. Во внешнем кольце на дороге установили шлагбаумы со сторожевыми будками. На левом, западном, берегу реки шло еще одно полукольцо «колючки» радиусом 200 м. Концы полукольца опирались на реку. Проезд и проход через посты разрешался только по пропускам, выданным в штабе батальона или на погранзаставе.

В тыловом лесочке размещалась хозяйственная часть гарнизона, представлявшая собой деревянный сарай с печью, на которой готовили питание, и загон для лошадей.

Василий вспомнил, как 2 июня, едва он успел освоиться в должности, в расположение прибыли три грузовика с цементом и приказ срочно усилить дзот бетонной плитой. Всему гарнизону пришлось попотеть. Весь уже приросший дерн и кусты с дота срезали, сняли метровый слой грунта и два наката бревен из четырех. В ближайшем карьере в трех километрах бойцы грузили песок на четыре имевшиеся в гарнизоне повозки и шесть повозок, мобилизованных в местном колхозе, и везли его в гарнизон. Бойцы в три смены замешивали раствор с булыжником, вынутым из дороги, и заливали перекрытие дзота — плиту размером 6 на 6 м. По краям толщина плиты

составила 40 сантиметров, а над боевым отсеком — 60 см. По заверению полкового инженера, наездами контролировавшего работу, дзот должен был выдержать однократное попадание снаряда 150-мм гаубицы и неоднократное — дивизионной немецкой 105-мм гаубицы. Полковые пушки его вообще не должны были взять. После заливки и трамбовки бетона дзот снова засыпали грунтом, обложили дерном и обсадили кустами. Работа заняла 4 дня. Теперь, через 14 дней, дзот снова стал незаметен издали.

Командиры довольно долго думали, куда девать освободившиеся два наката бревен, пока артиллериста Сидорова не посетила светлая мысль переоборудовать глубокий артиллерийский дворик в капонир. Иванов идею одобрил. Боковые брустверы дворика приподняли еще на полметра, уложили на них два наката бревен, засыпали грунтом и замаскировали. В получившемся самодельном капонире артиллеристы могли, по крайней мере, не опасаться минометного обстрела.

Во все дни, не занятые строительством, Василий до изнеможения гонял бойцов на занятиях. Одно отделение изображало противника. Остальные отрабатывали отражение атак со всех направлений. Атаки пехоты, кавалерии, танков, пехоты с танками. Жаль только, что танки изображали лошади с повозками. Зато кавалерию вполне качественно изображали восемь лошадей гарнизона, бойцы из крестьян сносно держались на них и без седел.

Трижды, по приказу комбата, провели стрельбы из всех видов оружия. Артиллеристы и минометчики провели пристрелку по рубежам, благо телеграфные столбы, стоящие вдоль дороги через каждые 50 м, давали отличную шкалу дальности. Пристрелялись по рубежам расчеты ПТР, пулеметчики и стрелки.

В общем, командиры и бойцы уяснили свои действия. Стоило Василию дать команду «Приготовиться к отражению атаки роты пехоты с левого фланга!» или «Приго-

товиться к отражению атаки батальона пехоты с танками с фронта!»), как артиллеристы, минометчики и расчеты ПТР занимали позиции, стрелки перебежали по окопам на нужный фланг.

Для пользы дела Василий погонял бы бойцов еще месяц, но, увы, этого месяца им не дали.

В 1 час 23 минуты к Иванову поднялся дежурный связист и доложил, что телефонная связь с батальоном прервалась¹. Радиосвязь действовала. В 3:22 он уловил отдаленное гудение идущих где-то вдалеке самолетов, но ничего не увидел и поэтому не стал ничего докладывать.

Горизонт на северо-востоке уже посветлел, когда в 4:15 в южной части горизонта еще темное небо озарилось многочисленными вспышками. Через полминуты донесся отдаленный грохот, как будто какие-то бешеные барабанщики за горизонтом со всей дури лупили в огромные барабаны. Василий еще по Халхин-Голу знал, что так звучит отдаленная артподготовка, и сразу же доложил в батальон. Канонада продолжалась 15 минут, затем все стихло. Иванова вызвал к рации начштаба батальона и сообщил, что опорные пункты в Славикае и Готлибишкяе подвергнуты массированному артобстрелу и атакованы противником. Немцы начали форсирование Шешупе большими силами. Иванов дал команду «В ружье».

Взошедшее слева за спиной солнце озарило местность. Прямо впереди и на 45 градусов левее к небу под-

¹ В реальной истории немцы использовали большое количество диверсионных подразделений, наиболее известен из которых полк «Бранденбург-800». Эти подразделения накануне войны были заброшены в тыл советских войск. Им удалось практически полностью парализовать проводную телефонную и телеграфную связь, осуществлявшуюся по подвешенным на столбах проводным линиям. После начала боевых действий немцы дополнительно десантировали большое количество диверсионных групп, которые также резали связь, убивали командиров, взрывали важные, но слабо защищенные объекты, наводили авиацию.

нимались густые столбы серого дыма. Горели Славикой и Готлибишкяй. В 5:30 грохот на юге возобновился и продолжался 10 минут. Василий понял, что противник не смог с ходу захватить опорные пункты и проводит повторную артподготовку.

В 6:15 дежуривший Конюков вызвал на НП командира и, передав ему бинокль, показал группу кавалеристов, показавшуюся из леса. Понаблюдав пару минут, Иванов насчитал 28 всадников. Они не походили на наших пограничников. «Немцы!» — пронзила мысль. Поскольку больше никто из леса не показался, следовал вывод, что это конный разведвзвод. На такой случай лейтенанты загодя придумали ловушку.

Когда немцы приблизились к середине поля, шесть бойцов во главе с Прохорчуком выскочили из окопа и побежали к дороге, громко вопя и размахивая руками. Из левобережной сторожевой будки выскочили еще три бойца и тоже побежали назад к лесу. У правобережной будки к ним присоединились еще трое, и все они сплоченной гурьбой, как зайцы, рванули к лесу. Шлагбаумы остались поднятыми, двери будок — раскрытыми. Как предполагали лейтенанты, увидев такое паническое бегство, немцы должны были посчитать опорный пункт брошенным. Все остальные бойцы попрятались в окопах. Только сам Василий, сняв каску, чтобы не отсвечивала, выглядывал через бруствер, спрятавшись за специально для этого посаженными кустиками.

Идея сработала, но, к сожалению, не полностью. В пятистах метрах немцы остановились, от группы отделились 9 всадников и поехали дальше. У южной будки трое спешили. Заглянули в будку. Затем вся девятка переехала через мост и остановилась на дороге, там, где от нее отходила тропинка к окопам. Трое немцев доехали до северной будки, осмотрели ее, потом вернулись к остальным. Немцы посоветались, за-

тем один остался с лошадьми, пятеро залегли в кювете за дорогой, выставив автоматы, а трое пошли по тропе к окопам.

Василия трясло от волнения. Осторожно просунув ствол ППД через куст, он взял на мушку первого немца в тройке. Когда немцам осталось до окопа 10 м, младший лейтенант задержал дыхание, нажал на спуск и провел дергающимся стволом автомата от первого немца к третьему. С двадцати метров промахнуться было сложно. Он и не промахнулся. Длинная очередь в полрощка срезала всех троих. Одновременно Василий услышал за спиной и вокруг себя густой треск. Взвод лупил по немцам из всех стволов. Коновод был уже убит. Пятеро в кювете тоже были не жильцы. Из мелкой канавы торчали каски, зады и пятки сапог. Вокруг них густо брызгали фонтанчики пыли от пуль.

Василий перенес внимание на дорогу. Над головами немцев вспухло облако шрапнельного разрыва. Рядом с ними выросли два «куста» минных взрывов. По сбившимся в кучу немцам долбили все приданные средства и два стрелковых отделения. На месте осталась куча убитых и бьющихся раненых лошадей и немцев, однако восемь всадников вырвались из кучи и теперь врассыпную удирали в сторону леса. Плотный огонь взвода выбивал их одного за другим. Самому шустрому осталось доскакать до леса метров двести, когда близкий разрыв осколочного снаряда свалил и его.

Иванов поглядел в кювет. Никто там не шевелился. На дороге бились и кричали раненые лошади.

— Первое отделение, Конюков, санинструктор и санитары, за мной, — скомандовал младлей, выскочил из окопа и побежал по тропе на дорогу. За ним дружно топотали бойцы. На дороге Василий огляделся. Зрелище впечатляло. На дороге и в кювете лежали убитые лошади и немцы. Две лошади подорвались на минах. Три уцеле-

ли и стояли на дороге, убитый немец продолжал удерживать их за намотанные на руку поводья.

— Дубинин с отделением — бегом по дороге! Поймать всех лошадей, раненых добить. Всех убитых фашистов перетащить на дорогу. Оружие и боеприпасы собрать. Убитых лошадей цепляйте к здоровым и волоките под обрыв берега, чтобы не было видно с дороги.

Санинструктор — перевязать раненых немцев и подготовить к отправке.

Конюков! наших лошадей с повозками приведи из загона. Вместе с ездовыми погрузи всех убитых немцев и отвези в лес, — быстро раздавал приказания младший лейтенант. Убедившись, что все кинулись исполнять приказы, Василий бегом помчался в дзот. По дороге приказал Власенко со вторым отделением взять лопаты и бежать на дорогу в помощь первому отделению, затем засыпать воронки и кровавые пятна на дороге.

Спустившись к рации, Иванов вызвал комбата и взял в руки кодовую таблицу. Сегодня был «рыбный» день. Заглядывая в таблицу, он с паузами доложил:

— В 6 часов 30 минут вступил в «клев» с «куканом» конных «пескарей». Весь «кукан» уничтожен. Всего 28 «пескарей». Сейчас их собираем. Возможно, будут «красноперые» «пескари». Я сам «красноперых» и «колючих» не имею. Окунь-2, как понял?

— Понял тебя, Ерш-2. Собери у «пескарей» документы. Направляю к тебе «лодку» с Окунем-23, готовь документы и всех «красноперых» «пескарей» к отправке. Объявляю тебе благодарность за удачный «клев»! Как понял, Ерш-2?

— Ясно понял, Окунь-2.

Приехавший через 15 минут на полуторке с пятью бойцами замкомбата Колесников сообщил, что пограничники еще держатся, гарнизон первого взвода ниже по течению Йотии тоже, а с гарнизоном в Готлибишкяе

связь потеряна. Немцы навели паромную переправу через Шешупе между устьем Йотии и Славикаем и строят рядом понтонный мост. Так что скоро немцы могут появиться и здесь.

Колесников рассказал, что ночью группа немецких диверсантов, переодетых в форму НКВД и имеющих соответствующие документы, попыталась проникнуть на территорию опорного пункта в Юрбаркасе. Якобы с целью проверки готовности моста к подрыву. Их пропустили за внешнее ограждение. Но перед внутренним ограждением их задержал бдительный дежурный командир, решивший получить подтверждение от вышестоящего командования. Пока он ходил связываться с полком, диверсанты напали на часовых. К счастью, один из часовых успел выстрелить. Дежурный взвод вступил в бой с диверсантами. В это время более сотни местных контрреволюционных элементов под командой других диверсантов атаковали опорный пункт с тыла. В ожесточенном бою нападавших частично уничтожили, а частично рассеяли. Гарнизон потерял 18 человек убитыми и ранеными. Рассказав эту историю и пожелав удачи в бою, замкомбата забрал четверых раненых немцев и отбыл.

К сожалению, одного немца из 28 найти не удалось. На дальнем краю поля лежала только убитая лошадь. Сам немец уполз в лес. Это было неприятно. Теперь этот гад предупредит своих.

К 7:40 всех убитых немцев отвезли в лес, убитых лошадей сволокли под обрыв, шесть уцелевших лошадей отогнали в загон, пятна крови и воронки засыпали грунтом. Хотя сбежавший немец сводил на нет все эти ухищрения.

В 7:50 повар привез из хозчасти завтрак. Война войной, а завтрак по расписанию! — повторяли бойцы старую армейскую шутку.

Порадовали трофеи — 4 ручных пулемета, 13 автоматов, 10 карабинов, 3 пистолета, много патронов и гра-

нат, 3 бинокля. Пистолеты и бинокли раздали старшим сержантам, Иванов, Петров и Сидоров поменяли свои старые бинокли на новые немецкие — отличные восьмикратные светосильные «Цейсы». Скомплектовали 4 расчета ручных пулеметов. Автоматы раздали стрелкам, а их винтовки и немецкие карабины — артиллеристам и минометчикам, не имевшим личного оружия.

После 10 часов на опушке дальнего леса начали накапливаться немцы, однако на поле пока не выходили.

В 10:55 из леса показалась густая цепь немцев. Иванов быстро прикинул — около 300 человек — две стрелковые роты. Бодрым шагом, развернувшись на 600 м влево и на 300 м вправо от дороги, немцы двинулись через поле. Когда цепь отошла от опушки метров на сто, из леса выдвинулась вторая цепь, человек сто пятьдесят — еще одна рота. Затем с дороги влево вдоль опушки выехала колонна из десяти грузовиков. Шесть последних тащили на прицепе небольшие пушки. Растянувшись метров на триста вдоль опушки, грузовики встали. В бинокль Василий увидел, как спешившиеся артиллеристы принялись отцеплять пушки, а из четырех первых грузовиков расчеты начали выгружать минометы. «Итого, — подумал Иванов, — усиленный батальон!»

— Иван, — обратился он к артиллеристу Сидорову, — тебе пушки, начиная с крайней правой!

Костя, бей минометы, начиная с крайнего правого и крайнего левого, — получил приказ минометчик Петров.

ДШК и ПТР бить по средним минометам, мешать прицеливаться!

Старшие сержанты Васильев и Конюков рванулись выполнять приказ.

— Стрелкам укрыться в блиндажах, кроме наблюдателей!

Командиры стрелковых отделений тоже умчались.

Василий остался на НП, наблюдая за немцами в бинокль. Сами того не зная, немцы упростили задачу, поставленную им подчиненным. Опушка леса была давно и тщательно пристреляна. Не прошло и двадцати секунд, как звонко бабахнула «сорокапятка», через две секунды чуть левее правой пушки встал султан разрыва. Затем хлопнули два миномета, дав небольшие перелеты. Прямо под Василием загрохотал ДШК, впереди шарахнули ПТР. Немцы забегали быстрее.

Уже четвертым выстрелом Сидоров разбил правую пушку. Снаряд разорвался прямо под ней, и она опрокинулась вверх колесами. Минометчики на таком расстоянии, конечно, не могли добиться прямых попаданий, но близкие разрывы мин выбивали расчеты. Около крайних минометов немцев уже не было видно — или перебиты, или залегли.

Позади опорного пункта разорвались первые мины. «Восемьдесят миллиметров, не больше», — сделал вывод младлей.

Просвистели два снаряда. Первый просвистел тонко и рванул с недолетом, дав совсем слабый разрыв. «Противотанковая тридцатисемимиллиметровая, — подумал Василий, — ну, этим нас не возьмешь».

Другой снаряд провыл басовитее и дал солидный разрыв сзади. «Полковая трехдюймовка, — решил Иванов, — это хуже, но тоже не очень страшно». От греха подальше решил спуститься в окоп левее дзота. Из окопа поглядел в бинокль — Сидоров уже прикончил вторую пушку, Петров молотил по третьему и четвертому минометам.

— Так, тут все идет нормально, — сказал вслух Василий и сосредоточил внимание на пехотных цепях. Цепи рассредоточились в глубину и бодрой рысью двигались вперед. Прошли уже метров четыреста.

Немцы пристрелялись. Внутри кольцевого окопа часто взлетали фонтаны разрывов. Грохот бил по ушам. Затем ча-

стога разрывов упала. Поглядев на немецкие пушки, Василий с удивлением обнаружил, что Сидоров уже прикончил последнее орудие и переключился на минометы. Глянув на часы, он определил, что артиллеристы разбили все шесть пушек за восемь минут. Немцы суетились только у двух минометов, потому и снизилась интенсивность обстрела.

«Ну и молодцы!» — подумал Василий о своих артиллеристах и минометчиках.

Пехота между тем подходила к середине поля. Василий решил, что время еще есть. Побежал в дзот, скатился по лестнице вниз и приказал радисту доложить в батальон, что гарнизон вступил в бой с батальоном противника, поддержанным артиллерией и минометами. Затем метнулся обратно.

Немецкие минометы больше не стреляли. Василий послал связного бойца вывести стрелков из блиндажей. Сам пошел к минометчикам и артиллеристам. Петрову поручил обрабатывать передовую немецкую цепь, а Сидорову — вторую.

Артиллеристы и минометчики открыли беглый огонь. Среди шедших врассыпную немцев каждую секунду вставал султан разрыва. Цепи залегли. Овес, которым колхозники засеяли поле, поднялся уже выше колена, и залегших немцев не стало видно.

«Представлю Петрова и Сидорова к награде», — решил Иванов.

Однако немцы и не подумали отступать. Демонстрируя отличную выучку, цепи начали продвигаться короткими перебежками повзводно. То один, то другой взвод вскакивал, пробегал метров двадцать и опять бухался в овес. За время перебежки было совершенно невозможно прицелиться и выстрелить.

«Ну наглецы, — подумал младлей, — прутся внаглую на подготовленную оборону без артподдержки! Что, они нас вообще не считают за серьезного противника, что ли?»

Иванов не мог знать, что командир 1-го батальона 215-го полка, составлявшего передовой отряд 122-й пехотной дивизии 28-го армейского корпуса 16-й армии группы армий «Север» вермахта, майор Штольпе, получил приказ до 10:00 уничтожить опорный пункт, захватить мост через Йотию и обеспечить продвижение главных сил дивизии к мосту через Неман. Мост через Неман должен быть захвачен 215-м полком к 14:00.

Ничего этого младший лейтенант Иванов не знал. Не знал и того, что сопротивление пограничников капитана Кондратьева уже поломало немцам график, а майор Штольпе не привык опаздывать и горел желанием наверстать график, предусмотренный приказом.

Видя, что огонь пушки и минометов вслепую по легшему противнику малоэффективен, Василий приказал Сидорову и Петрову перейти на беспокоящий огонь, не давая немцам идти в рост. Пусть умаются, ползая в овсах.

Полоса радиусом 200 м вокруг внешнего кольца «колючки» составляла зону отчуждения опорного пункта, в которой колхозникам запретили сеять, но разрешили косить траву. Она и была добросовестно скошена. Сено местным крестьянам тоже было нужно. Внутрь заграждения из колючки колхозникам вход был запрещен, и траву косили сами бойцы. Сено шло на корм лошадям и на матрасы бойцам. Так что за 200 м до «колючки» немцам хочешь не хочешь придется вылезать из овса и бежать по чистому полю. Василий решил не жечь зря боезапас, а дожидаться этого момента.

В 11:40 немцы дошли до края овсяного поля и начали там накапливаться. Петров и Сидоров снова перешли на беглый огонь по краю поля, так что сидеть там долго немцам было не с руки. Василий дал команду пулеметчикам и стрелкам открыть огонь, как только немцы выйдут из овса, а автоматчикам — стрелять только когда немцы подойдут к реке. Стрелять из автоматов на большей дис-

танции — только расходовать зря рожки. «Максим» приказал вытащить из дзота в окоп, чтобы он тоже смог участвовать в деле.

В 11:46 — Иванов засек время — немцы густой цепью выскочили из овса и побежали в атаку, стреляя из автоматов и винтовок. С обоих флангов атакующей цепи из овса ударили пулеметы.

Бойцы не подкачали. Дружно застучали «максим», три своих и четыре трофейных ручных пулемета, захлопали винтовки. Дистанция в 350 м была для них убойной. Не пробежав и 50 м, немцы залегли, но упорно продолжали ползти вперед. Позади ползущих оставались те, кто уже никуда не полз. Их было много. Но остальные настырно лезли вперед. По брустверам хлестали очереди немецких пулеметов, заставляя бойцов пригибаться, мешая прицеливаться. Появились раненые и убитые. Присмотревшись, Василий насчитал примерно по десять пулеметов на правом и левом фланге.

«Этак они нам всю обедню испортят», — подумал Иванов и послал связного с приказом Сидорову сосредоточить огонь на правофланговых пулеметах, а Петрову — на левофланговых. Другого связного послал в дзот к Васильеву, чтобы расчет ДШК тоже занялся подавлением правофланговых пулеметов.

Немцы уже приближались к внешнему кольцу «колючки».

«В дисциплине и выучке им не откажешь, — сделал вывод Василий, — под таким плотным огнем мои бойцы вряд ли смогли бы ползти вперед», — самокритично подумал он.

— Автоматчикам без команды огня не открывать, — передал по цепи младлей.

Связной добежал. Между немецкими пулеметами встали султаны разрывов. На таком расстоянии артиллеристы и минометчики не промахивались.

Решив, что немецким пулеметчикам осталось жить минуты, Иванов снова переключил внимание на пехоту. Самые шустрые немцы уже доползли до заграждения и резали проволоку. Все больше немцев проползали за заграждение. Лежать в чистом поле под плотным пулеметным и ружейным огнем было глупо. Сейчас они рванутся, понял Василий. И угадал.

Повинуясь неслышной команде, немцы вскочили и рванулись вперед. На взгляд Василия, их оставалось еще человек двести пятьдесят. Немцы уже подбегали к реке. Передовые скатились с берега лога и, поднимая брызги, прыгали в реку.

Ну-ну! По кромке правого берега проходило внешнее кольцо заграждения, не видимое с поля. Перебежавшие через речку немцы уперлись в «колючку».

— Автоматчики, огонь! — что есть силы заорал Иванов и, прицелившись, нажал на спусковой крючок ППД.

До «колючки» было около 100 м, убойная дистанция для автоматов. Окоп взорвался ураганным огнем. Тридцать своих и трофейных пистолетов-пулеметов ударили по врагу. Немцам в речке даже залечь было некуда. Вода густо вскипела пулевыми фонтанчиками. Невзирая на пули, секущие бруствер, бойцы в азарте боя полосовали немцев из автоматов и пулеметов, на выбор били из винтовок.

Наконец кто-то из командиров у немцев сообразил, что еще немного, и весь батальон ляжет на берегу речушки. Повинуясь неслышной команде, немцы перебежками и ползком стали отступать. Василий поглядел на немецкие пулеметы. Продолжали стрелять два справа и три слева. И этим недолго жить осталось, сделал он вывод. Огонь его собственных бойцов между тем тоже ослабел. Ручные пулеметы достреливали последние диски и ленты. У автоматчиков тоже заканчивались снаряженные рожки. Без остановки молотил только «максим», да трещали винтовки.

Через несколько минут стрельба прекратилась. Все немецкие пулеметы замолкли. Уцелевшие немцы уползли в овес. Василий отдал через связных приказ подсчитать потери и доложить. Весь скошенный участок поля был усеян телами убитых и раненых немцев. В наступившей тишине слышались крики и стоны раненых. Пока командиры отделений считали потери, Василий решил прикинуть потери немцев. На скошенном лугу и в реке он насчитал 164 тела. Можно было предположить, что в овсах артиллеристы и минометчики наколотили еще столько же. Плюс побитые расчеты пушек и минометов — примерно 80 человек. Итого — около 400.

Минометчики потерь не понесли, у Сидорова был один раненый. Стрелки потеряли 4 человека убитыми и 6 ранеными. Приняв доклады командиров, Иванов объявил всем благодарность. Несмотря на потери, у всех и так рот был до ушей. Такого начала войны никто не ожидал. Так воевать можно! Младлей пошел докладывать комбату.

Выслушав доклад, комбат помолчал, а потом спросил:

— А ты не привираешь, Ерш-2?

— Все точно, Окунь-2: шесть разбитых «острог» и «жерлицы» в бинокль видно на опушке, сто шестьдесят «пескарей» лежат на лугу, их и без бинокля видно.

— Ладно, — сказал комбат, — постарайся взять еще «красноперых» «пескарей», высылаю за «красноперыми» «лодку». Объяви всем благодарность. Окуню-23 передай фамилии отличившихся, будем представлять к наградам. Отбой связи.

Выйдя из дзота, младлей послал третье отделение с санитарями за реку подобрать трех раненых немцев. Чтобы какой-нибудь недобитый фашист не вздумал стрелять, приказал покидать мины по краю овса. Вставшие над полем разрывы еще раз показали немцам, кто в поле хозяин. Если кто стрельнет, то искрошат в хлам всех.

Сбор пленных прошел без эксцессов. Подобрали двух легко раненных рядовых и одного целехонького унтер-офицера. Он, гад, залег в речке за кочкой и думал притвориться мертвым, но, опустив в воду голову, долго без движения не пролежишь. Попутно собрали еще штук пятнадцать автоматов и много магазинов с патронами.

Санинструктор перевязал своих раненых и подготовил их к отправке. Погибших бойцов отвезли в лес, в хозчасть.

Через 10 минут подъехал Колесников. Наших раненых и немцев погрузили в кузов. Замкомбата вместе с Ивановым прошли по окопам и поздравили бойцов с удачным боем. Передали обещание комбата представить отличившихся к наградам. Василий написал короткое донесение с фамилиями обеспечивших исход боя подавлением вражеской артиллерии и минометов Петрова и Сидорова и передал Колесникову.

Младлей поинтересовался, что делать с остальными ранеными немцами, которых было еще много в поле. Капитан Колесников задумался. Однако додумать мысль до конца не успел. Прибежавший связной срочно вызвал их на НП.

В двух с половиной километрах к западу и к востоку из леса показались длинные колонны немецкой пехоты и в пешем порядке двинулись через поле. Рассмотрев колонны в бинокли, командиры определили, что тяжелого оружия немцы при себе не имели — только пулеметы и легкие минометы.

Прикинув их численность, Колесников сказал:

— Вот тебе и ответ насчет раненых немцев. С флангов тебя обходят два свежих батальона пехоты. Еще один, сильно потрепанный, сидит в лесу напротив тебя. Итого перед тобой целый пехотный полк. Так что своих раненых немцы подберут сами. Думаю, эти два батальона обойдут тебя и направятся на Юрбаркас, к мосту через Не-

ман. А ты держись сколько сможешь, но особо не геройствуй. Если сильно прижмут, взрывай мост и отходи в лес. Обозников с лошадьми отправляй в тыл прямо сейчас.

Дав эти последние ценные указания, капитан укатил в батальон. Василий глянул на часы — 13:07. День еще только начался.

К сожалению, Колесников угадал намерения немцев только наполовину. Через полтора часа из штаба батальона передали, что противник атаковал опорный пункт у села Кидуляй, в четырех километрах севернее. Однако другая часть немцев стала накапливаться в лесу в тылу гарнизона. Там, где раньше была хозчасть. Очевидно, немецкое командование не оставляло надежды захватить мост через Йотию, чтобы через него выйти по кратчайшему пути к мосту через Неман. Иванов приказал готовиться к отражению атаки пехоты с тыла.

В 14:42 со стороны дальнего леса донесся звук оружийного выстрела. Затем с большим недолетом и отклонением вправо разорвался снаряд. Иванов и стоящие рядом с ним в окопе Сидоров с Петровым схватились за бинокли. Секунд через пятнадцать послышался новый выстрел — большой перелет. Только пятый снаряд разорвался в кольце окопов.

— Орудий не видно, — резюмировал Василий. — Что скажешь, Иван, откуда они бьют? — обратился он к Сидорову.

— Судя по силе разрывов и по интервалу между звуком выстрела и разрывом, это полковая трехдюймовка. Стреляет, видимо, из леса.

Шестой выстрел снова лег с отклонением вправо и с перелетом. Седьмой — с недолетом.

— Это пристреливается другая пушка. Раз они пристреливаются так долго, значит, стреляют с закрытой позиции. Наводчики нас не видят, а поправки к стрельбе им дает корректировщик. Скорее всего, стреляют с опушки

леса. По краю опушки растут кусты, за ними, наверное, и стоят орудия. А стреляют они между стволами деревьев, навесным огнем через кусты. Поэтому мы их и не видим, — сделал вывод младлей Сидоров.

— Значит, они тащили пушки с дороги через лес на руках, ведь упряжка или тягач через лес не пройдут, — дополнил друга Петров.

— Через лес полковую пушку и на руках далеко не укаатишь — она шестьсот килограммов весит, — продолжил Сидоров.

— Ну, точно! — воскликнул Иванов. — Если они пушки от дороги катили через лес на руках, значит, пушки стоят не дальше ста метров от дороги. А раз мы их не видим, значит, они стоят в тридцати-сорока метрах от края опушки.

Пока командиры дискутировали, у немцев пристрелялась уже четвертая пушка. Начала пристрелку пятая.

— Значит, у них две батареи, — сделал очевидное умозаключение Сидоров.

— Как пристреляется вторая батарея, начнется артподготовка.

— Слушай боевой приказ! — напряженным голосом скомандовал Иванов. — Артиллерии подавить пушки противника справа от дороги, минометам — подавить пушки слева от дороги. Расположение пушек противника — от тридцати до сорока метров от края леса и на сто метров в обе стороны от дороги. Темп стрельбы — максимальный!

Сидоров и Петров рванулись к своим расчетам. Счет времени шел на секунды.

— Командирам отделений — рассредоточить личный состав по блиндажам. Блиндажи минометчиков и артиллеристов занять тоже! В окопе оставить по одному наблюдателю от отделения. Бегом марш! — скомандовал младший лейтенант Иванов сержантам, ожидавшим команды рядом в окопе.

Сам Василий приник к биноклю, стараясь разглядеть эти чертовы пушки на опушке. Но увидел только разрывы своих мин и снарядов в глубине опушки. В отличие от немцев, Петров и Сидоров пристрелялись сразу. У немцев закончила пристрелку восьмая пушка. Наступила небольшая пауза. Затем с секундным интервалом донеслись два слитных батарейных залпа.

От разрыва вздрогнула земля и заложило уши. По брустверу ударили осколки. Горизонт заволокло дымом и пылью. Через пять секунд грохнул второй залп. Наши пушка и минометы, однако, не снижали темп стрельбы. Через пять секунд — третий залп. Немцы взялись за них всерьез.

«Надеюсь, что все стрелки уже попрятались в блиндажах», — подумал Василий. Рассудив, что было бы глупо погибнуть не за понюх табаку, он вместе со связным нырнул в дзот. Сержанту Васильеву приказал обрабатывать из ДШК опушку леса справа от дороги. От пыли и дыма из дзота уже ничего не было видно, но опушку расчет пулемета пристрелял давным-давно. Грохот ДШК показался слабым на фоне разрывов.

За минуту Василий насчитал одиннадцать залпов. От близких разрывов дзот встряхивало. И как следует трянуло от прямого попадания в бетонную плиту перекрытия. Плита выдержала. От акустического удара все на время оглохли. Василий спустился вниз и потребовал связь с батальоном. Связи не было.

— Видимо, разрывом сорвало антенну, — предположил радист.

— Как кончится артобстрел, сразу давай связь, — приказал Иванов и вылез наверх. Под грохот разрывов Василий вновь и вновь прокручивал в голове боевой приказ. При отсутствии связи со штабом батальона основанием для подрыва моста была атака превосходящих сил противника. Он не сомневался, что после такого мощного

артобстрела атака последует. И именно превосходящими силами. Основанием для отхода в приказе назывались угроза окружения, массированный артобстрел и потери более 30 % личного состава. Все эти основания уже имелись в наличии. Иванов сомневался, что после такого артобстрела у него останется хотя бы половина бойцов. Следовательно, можно взрывать мост и отходить! Только как и куда? Сзади в лесу — немцы! Хочешь не хочешь, надо держаться до темноты и только потом прорываться!

Артобстрел продолжался ровно 10 минут. Немцы выпустили не менее 100 снарядов на орудие.

Внезапно наступила тишина. Отсчитав 10 секунд без разрывов, Иванов скомандовал:

— Сержант Конюков и боец Дубков, за мной!

Затем распахнул тяжелую дверь дзота и выбежал в ход сообщения. Командир опорного отделения и связанной не отставали. Перед выходом в ближний кольцевой окоп ход был обрушен и до половины засыпан близким разрывом снаряда.

С этой точки Василий огляделся. Висящая в воздухе пыль и гарь ограничивали видимость тридцатью метрами. Едва угадывался внешний кольцевой окоп. Вид местности разительно изменился. Кругом виднелись воронки. Все высаженные кусты выкосило осколками. Зеленой травы вообще не было. Выбросы грунта из воронок засыпали всю зелень. Времени на раздумья не было. Вот-вот должна была начаться атака.

— Конюков! Бегом по внешнему окопу! Всех бойцов из блиндажей в тыл и на левый фланг! Встречаемся у блиндажа опорного отделения! Всех командиров отделений туда!

Дубков! Бегом к блиндажам артиллеристов и минометчиков! Всех бойцов на правый фланг и в тыл! Встречаемся там же! Приготовиться к отражению атаки с тыла и флангов! Марш!

Василий надеялся, что на фронте и на правом фланге немцев прижмут пулеметы дзота. Поэтому в первую очередь надо было прикрыть тыл и левый фланг. Сам он побежал по ходу к позициям минометчиков. В двух местах ход был перекрыт воронками и почти полностью засыпан. Один минометный дворик, к счастью, пустой, был накрыт воронкой, в другом он с радостью увидел работающий расчет миномета. Один боец лежал неподвижно. Убит, сразу понял Василий.

— Прекратить огонь! — скомандовал Иванов и побежал дальше. В следующем дворике обнаружился второй работающий расчет вместе с Петровым. У одного из бойцов была перевязана рука, у другого — голова.

— Костя, кончайте пальбу, тащите мины из блиндажа, сейчас немцы от леса полезут! — Чтобы Петров понял, пришлось орать ему прямо в ухо.

Засыпанный землей и оглушенный Петров понял не сразу, но потом закивал и заорал в ответ:

— Пришли двух бойцов, у меня один убитый и двое раненых!

— Сделаю, — ответил Василий и рванул дальше.

У капонира артиллеристов он остановился. Сердце сжалось. Капонира не было. Не было друга Сидорова. Прямое попадание. Самодельный капонир не выдержал. Снаряд пробил земляную насыпь и разорвался внутри бревенчатого перекрытия. Бревна разбило и вмяло внутрь капонира. Куски расщепленных и измочаленных бревен торчали во все стороны. Не уцелел никто.

Лейтенант стянул каску и секунду постоял неподвижно. Затем огляделся. Довольно свежий ветер, дувший с запада, начал относить гарь в сторону. На правом фланге он увидел внешний ряд колючей проволоки и в ста метрах за ним — густую цепь немцев. Бившие с закрытой позиции полковые пушки немцев давали довольно большой разброс, и в поле между внешним и внутренним кольцами

«колючки» виднелись многочисленные воронки. Поэтому немцы и не смогли подойти ближе во время артобстрела.

Одновременно с Василием немцев увидели из дзота, и «максим» залился длинной непрерывной очередью. Немцы залегли. Иванов побежал дальше к блиндажу опорного отделения, выходящему во внешний кольцевой окоп в левой тыловой части опорного пункта.

Выскочив к блиндажу, он с облегчением увидел в сборе весь комсостав, кроме командира второго отделения Власенко.

— Где Власенко? — сразу обратился он к Дементьеву.

— Правый пулеметный блиндаж разбит. Прямое попадание в амбразуру. Власенко и четверо бойцов погибли.

— Артиллеристы и Сидоров погибли тоже, — сообщил Василий. Затем продолжил: — Горевать будем потом! Сейчас немцы атакуют! На правом фланге их прижал «максим». На фронте ДШК и ручной пулемет из левого блиндажа пока справятся. Сейчас главное — удерживать тыл и левый фланг! Дубинин, тебе левый фланг, Дементьев, тебе тыл. Конюков, собери остатки отделения Власенко и прикрой правый фланг. Автоматчиков держите в резерве. Огонь из автоматов, только когда немцы подойдут к ближней «колючке». Если полезут через ближнюю «колючку» — тогда гранатами! Действуйте!

Сам Василий пошел к минометчикам. По дороге конфисковал у Дубинина двух бойцов.

— Вот тебе усиление, — сказал он Петрову. — Пусть хоть мины из блиндажа подносят. А Сидоров погиб со всем расчетом.

— Я видел, — ответил Петров, — их накрыло в самом конце артподготовки. Но погибли они не зря! Под конец немцы давали в залпе только шесть снарядов, а не восемь. Две пушки мы все-таки накрыли.

— Ну, тогда вы вообще молодцы! И артиллеристы тоже!

Завесу гари тем временем отнесло дальше, и стали видны две густые цепи немцев, подходящие со стороны леса к внешней «колючке». По ним уже молотили ручные пулеметы отделения Дементьева.

— А вот и тебе цели! Главные силы немцев идут с тыла, давай, лупи по ним, хватит им гулять, как на параде.

Затем Василий побежал на левый фланг к Дубинину. Пока добежал, открылась и цепь немцев на левом фланге. Бойцы Дубинина уже обрабатывали ее. «Дегтярь» и два трофейных «ручника» стрекотали, как швейные машинки.

Немцы залегли и здесь. Но тем не менее они и не думали останавливаться. Залегшие с трех сторон немцы вели плотный огонь по позициям взвода и продолжали упорно переползать вперед. Над головами густо свистели пули, звучно шлепая в брустверы. Василий видел, как падали на дно окопа его бойцы.

«Ну, гады, — подумал он, — своим перекрестным огнем вы больше своих положите, чем наших».

Словно услышав его мысли, немецкая пехота на флангах прекратила продвижение вперед и начала окапываться перед внешним кольцом «колючки».

«Понятно, — сделал вывод Иванов, — с флангов будут держать нас под перекрестным огнем, а атаковать с тыла».

И правда, с тыла немцы уже проползали за внешнюю «колючку». На минное поле надежды уже не было. Часть мин наверняка сдетонировала при артобстреле, другие засыпало слоем выброшенной разрывами земли, и они уже не сработают.

В довершение бед на позициях взвода встали столбы минных разрывов. Глянув на опушку леса, Василий увидел, что немцы, как и в прошлый раз, в открытую выставили минометы на опушке. Он насчитал восемь штук. С четырехсот метров немецкие минометы били убийственно точно.

Иванов сразу понял замысел немецкого командира. Перекрестным огнем с флангов прижать его бойцов в окопах, чтобы не могли высунуться, и перебить в окопах минами. Затем смять остатки взвода одновременной атакой пехоты с трех сторон. В первый раз с начала боя лейтенант испугался. Испугался не за себя, а за исход боя. До сих пор он не сомневался, что взвод снова отобьет немцев.

«При угрозе захвата противником взорвать мост», — молнией вспыхнула в мозгу строка из приказа. Где пригнувшись, где на четвереньках, где ползком Василий изо всех сил зашепшил к дзоту. Густо свистевшие над брустверами пули и осколки не позволяли даже высунуться. По дороге завернул к минометчикам. В дворике первого миномета увидел Петрова, бесстрашно корректировавшего огонь расчета. Выглянув за бруствер, Василий увидел, что Петров правильно оценил обстановку и сам перенес огонь на немецкие минометы. Два из восьми уже были разбиты. Решив не отвлекать Петрова, он поспешил дальше. Влетев в дзот, кубарем скатился в нижний отсек, достал из-под стола радиста подрывную машинку и трижды резко крутанул рукоятку. Даже в дзоте взрывная волна больно ударила по ушам.

— Связь есть? — вопрос радисту.

— Есть!

— Передай в батальон: после массированного артобстрела противник атаковал с тыла и флангов силами до батальона при поддержке минометов. Мост взорвали. Имеем большие потери. Да смотри, передавай кодом!

Поднявшись наверх, огляделся. Расчет «максима» менял воду в закипевшем пулемете. Расчет ДШК бездействовал.

— Что немцы? — спросил у Васильева, командира расчета ДШК.

— Вытаскивают раненых с поля в овес. Атаковать не пытаются. По санитарам не стреляем.

— Правильно! У нас наверху большие потери. Забираю у тебя третьего номера. Ты остаешься в дзоте за старшего. Если потребуется, используй радиста как третьего номера. — Отдав необходимые распоряжения, Иванов выскочил в окоп.

Первым делом поглядел на мост. Тучу дыма и пыли уже отнесло ветром. На месте береговых опор и посредине насыпи виднелись глубокие воронки. Саперы потрудились на славу. Глубоко закопанные три заряда по десять килограммов тола разнесли мост вдребезги.

В этот момент Василий обратил внимание, что стрельба значительно ослабела. Посмотрев на немцев, он увидел, что пехота отползает от «колючки», минометчики оттаскивают уцелевшие минометы в лес. Ответная стрельба взвода тоже затихла. Ну, это было как раз понятно. У пулеметчиков кончался запас снаряженных дисков и лент. Лейтенант понял, что немецкий комбат, потеряв возможность захватить мост целым, решил поберечь людей. Гарнизон огрызался слишком больно.

Обессиленный, Василий опустил на дно окопа и некоторое время сидел неподвижно. Затем приказал глядевшему на него с ожиданием третьему номеру ДШК, фамилию которого запомнил:

— Давай бегом по окопам, собери всех командиров к дзоте. Пусть доложат о потерях.

Поглядел на часы. Было 15 часов 44 минуты. Кажется, с рассвета прошла уже вечность, а день едва перевалил за полдень.

«Хорошо хоть часы не остановились от сотрясений», — подумал младший лейтенант.

Начали собираться командиры отделений. Вместо Петрова пришел командир расчета старший сержант Онищенко.

— Что с Петровым? — предчувствуя недоброе, спросил Иванов.

— Погиб наш лейтенант. Вместе со всем расчетом. Прямое попадание мины в дворик. Немцы стреляли очень точно. Наверное, у них корректировщики сидели на деревьях и видели наши позиции. Но и мы четыре миномета у них разбили!

Сердце Василия сжалось.

«Вот и остался я один из трех друзей — младших лейтенантов, — с горечью подумал он. — Жалко Костю. Жалко Ивана».

Командир гарнизона оглядел остальных. У замком-взвода Конюкова левое предплечье забинтовано, рука висит на перевязи. У обычно щеголеватого сержанта гимнастерка и галифе порваны во многих местах, залеплены землей. Лицо бурое и закопченное, только голубые глаза блестят. Другие выглядят не лучше. У Власенко забинтована голова под каской.

— Доложите о потерях. Начнем с Онищенко.

— Быстрее доложить, кто в строю. Кроме меня, один легко раненый минометчик и один присланный боец. Один минометчик тяжело ранен.

— В первом отделении в строю четверо бойцов, из них двое легко раненых, двое тяжелых, остальные убиты, — доложил Конюков.

— Во втором отделении в строю двое, один тяжело раненый, — сообщил принявший второе отделение Деметьев.

— В третьем отделении в строю трое бойцов, из них двое легко раненых, трое тяжелых, — доложил Власенко.

— Итого в строю пятнадцать штыков, включая легко раненых, плюс шестеро в дзоте и я сам. Всего значит двадцать один штык. Санинструктор цел?

— Здесь я, товарищ лейтенант, — отозвался младший сержант Воронин из-за спин командиров.

— И я цел, — послышался голос завхоза Прохорова.

— Ну, если завхоз цел, значит, не пропадем, — пошутил Василий. — Прохоров, пока передышка, раздай бойцам сухой паек и воду. Действуй.

Воронин, не сиди здесь. Всех тяжелораненых перенеси в блиндаж артиллеристов. Он целый. Я видел. И ближе других к дзоту. После тяжелораненых займись легкоранеными. Быстро.

Товарищи командиры! — официально обратился Иванов к оставшимся. — Мы выдержали уже второй тяжелый бой. Первую задачу командования мы выполнили. Мост врагу не отдали. Теперь мы можем отходить к своим. Но сейчас отходить нельзя. В тылу за нами — потрепанный батальон немцев. Немцы на нас сильно злые за потери и за мост. Если выйдем из окопов, нас сразу же обнаружат и перебьют в поле. Значит, надо продержаться до темноты, а потом по-тихому уходить. Так и приказывает нам командование. Думаю, немцы нас в покое не оставят. Им нужно восстанавливать мост. Скорее всего, они повторят артподготовку, затем снова атакуют. Для артподготовки им нужно подвезти снаряды к пушкам.

Сколько у нас времени? Не знаю. Может час, может полтора. Сейчас, как бойцы поедят, готовимся к отражению атаки. Секторы обороны отделений те же. Собрать все оружие, почистить. Снарядить диски, ленты, магазины. У каждого стрелка должно быть по винтовке и по автомату, по десятку гранат. Потом, если будет время, восстановить стрелковые ячейки для каждого бойца.

План обороны такой. На время артобстрела рассредоточиться по всем блиндажам. Я буду в дзоте. Из тяжелого оружия у нас остались ДШК, миномет и ПТР. Оставшиеся мины рассредоточить в два блиндажа. В левом пулеметном блиндаже «дегтярь» и ПТР. После артобстрела отражаем атаку. Огонь из автоматов открываем, только когда немцы будут в двадцати метрах от внутренней «ко-

лючки». Когда будут переползать под «колючкой», закидываем их гранатами. Гранат не жалеть! У нас их много. Если, несмотря ни на что, немцы подойдут совсем близко и начнут забрасывать внешний окоп гранатами, сразу отходим во внутренний кольцевой окоп. В нем тоже подготавливаем стрелковые ячейки и в них запас гранат. Тут будем биться до последнего.

Онищенко, огонь из миномета по обстановке. Главные цели — минометы и пулеметы.

В дзоте главный — Васильев. Как начнется бой — дверь на засов. И держитесь. Несмотря ни на что. Помни, главное — не давать немцам восстанавливать мост.

Конюков, на тебе по-прежнему правый фланг. Бронбойщику скажи, чтобы стрелял из левого блиндажа по пулеметам и грузовикам, если появятся. Если не появятся, пусть работает на «дегтяре».

Ну, с богом, парни. Если надо, умрем за Родину. Но я очень надеюсь, продержимся дотемна. Сейчас 16:10. Осталось продержаться семь часов.

Командиры разошлись по местам.

На самом деле Василий понимал, что шансов мало. Если бы у немцев не было артиллерии, то против пехоты, возможно, и продержались бы. А так — еще одна артподготовка, и в строю почти не останется бойцов.

«Наверх вы, товарищи, все по местам! Последний парад наступает...» — всплыла сама собой в памяти строка из бессмертной песни.

Нужно было доложить комбату. Для доклада следовало определить потери противника. С опушки леса постреливали пулеметы. Лейтенант уже не обращал на них внимания. Выглянув через бруствер, он примерно подсчитал тела немцев напротив правого фланга. Многие из них были ранены, стонали, что-то кричали и пытались отползти к своим. Их не добивали. Получилось 53 тела. Затем он сменил позицию и подсчитал их на левом

фланге и в тылу. Получилось 42 и 102. Всего 197. Плюс побитые минометчики на опушке.

Василий направился к радисту и приказал соединиться с батальоном. Доложил комбату потери, свои и противника. Комбат очень хвалил и пообещал представить весь личный состав гарнизона к наградам. Приказал держать дотемна, ночью прорываться к батальону. Сообщил, что все опорные пункты второй линии пока держатся. До Юрбаркаса противник еще не добрался. Отбой связи.

Бойцы в дзоте обедали. Пожевав вместе с ними тушенки с хлебом и запив холодной водой, Василий решил обойти позиции. Весь личный состав был при деле. Бойцы снаряжали магазины, углубляли ячейки. Порадовало, что никто не паниковал и не предавался отчаянию. В настроениях преобладали злость и сосредоточенность.

Трудно пришлось только в блиндаже с тяжелоранеными. Лейтенант твердо пообещал бойцам, что ночью, когда пойдут на прорыв, вынесут всех. Иванов был уверен, что до ночи вряд ли доживет, потому дал обещание без всяких угрызений совести. Раненых надо было подбодрить. Кроме того, он очень надеялся, что немцы не будут добивать раненых. Они сами ведь не добивали раненых немцев перед «колючкой».

Василий не мог знать, что отведенная им судьбой передышка заканчивается. К 14:30 саперы 122-й дивизии построили через Шешупе западнее Славикая помимо легкого понтонного моста, наведенного утром, еще и грузоподъемный деревянный мост, по которому уже переправили дивизионную артиллерию. Три батареи 105-мм гаубиц уже заняли позиции за лесом в четырех километрах южнее. Батарейные корректировщики разворачивали свои радиостанции на опушке леса за полем.

В 16:53 — Василий автоматически засек время — над головами басовито провыл снаряд и разорвался с перелетом на 150 м и отклонением по азимуту влево на 120 м. Раз-

рыв был значительно сильнее, чем от полковой трехдюймовки. Василий послал по окопам связного с командой:

— Приготовиться к артобстрелу!

В отличие от полковых, немецкие дивизионные артиллеристы стрелять с закрытых позиций умели. Уже третий снаряд дал накрытие. Пристрелка заняла две минуты. Вторая и последующие пушки накрывали опорный пункт уже вторым снарядом. Василий подсчитал, что всего провели пристрелку 12 орудий — три батареи.

«Ну сейчас они нам и врежут!» — успел подумать он, ныряя в дзот. Сразу приказал радисту передать в батальон:

— Противник начал артподготовку тремя батареями дивизионной артиллерии.

Затем грохот разрывов первого залпа ударил по ушам и встряхнул дзот. За гарнизон дзота он не беспокоился. Прямое попадание в амбразуру — дело слишком маловероятное, чтобы повториться еще раз. А попадание в перекрытие дзот, по уверению полкового инженера, должен был надежно выдержать. Волновался Василий за блиндажи. Их-то четырехдюймовый снаряд мог пробить. Немцы давали пять залпов в минуту.

На пятой минуте снаряд врезал-таки в перекрытие. Дзот сильно трянуло, с потолка и со стен между бревнами посыпался песок. Все на минуту оглохли. На десятой минуте снаряд взорвался рядом с левой стеной дзота. Верхние венцы бревен ощутимо сдвинулись вправо. Снова посыпался песок. Но дзот выдержал.

Артобстрел продолжался 15 минут.

«Двенадцать умножить на пять и на пятнадцать — это будет девятьсот, — с трудом ворочая мозгами после легких контузий от попаданий в дзот, подсчитал Иванов. — Девятьсот здоровенных четырехдюймовых снарядов на один маленький взвод. Однако дорого мы обходимся немцам», — про себя усмехнулся Василий, пытаясь открыть дверь. Дверь не поддавалась.

«Завалило», — сообразил Иванов и, приказав расчету откатить «максим», нырнул в амбразуру. Связной вылетел следом за ним. Плотная завеса дыма и пыли закрывала все вокруг. По ходу сообщения они выскочили на правый фланг. Василий послал связного налево по окопу с приказом собрать командиров у блиндажа опорного отделения. Сам пополз по линии окопа вправо. Это была именно что линия. Наверное, половина длины окопа была перекрыта воронками и засыпана выбросами грунта. Плотность воронок была значительно выше, чем после первого артобстрела. Дивизионная артиллерия немцев стреляла намного кучнее, чем полковая.

Застучал «максим».

Ага, значит, снова атакуют с правого фланга, сообразил Иванов, переползая очередную воронку. Блиндаж третьего отделения оказался разбит. В нем должны были быть Конюков с двумя бойцами.

«Светлая им память», — подумал Василий. Затем завернул к минометчикам. Онищенко с двумя бойцами тащили из блиндажа миномет.

— Поставим в дворике для ДШК, — прокричал Онищенко, — все минометные дворики разбиты! Один блиндаж с минами уцелел!

Иванов пополз дальше. На тыловой стороне встретил Дементьева и трех бойцов, готовившихся открыть огонь из своего и трофейного ручных пулеметов.

«Слава богу, эти живы», — мелькнула мысль. У блиндажа опорного отделения встретил связного.

— Дубинин и четверо бойцов с ним на левом фланге живы, — доложил боец.

— А где Прохоров и Воронин? — спросил Василий.

— Они были в арсенальном блиндаже. Блиндаж разбит. Видимо, погибли.

— Все ясно. Пошли на правый фланг, там никого нет. Будем вдвоем держать оборону.

У бойца была СВТ, у Василия — ППД. По дороге Василий подобрал чью-то СВТ и подсумок с патронами.

Выйдя на правый фланг, нашли две целые стрелковые ячейки с запасом гранат и заняли оборону. Василий посмотрел за бруствер. «Максим» держал немцев за «колючку». В тылу и на левом фланге застучали «дегтяри». Иванов отличал их по звуку. Захлопал миномет.

Взвод принимал свой последний бой.

Приглядевшись, Василий понял, что на этот раз немцы подошли вплотную к внешней «колючке» во время артобстрела, пользуясь тем, что почти все снаряды ложились внутри ближнего круга «колючки», и успели подготовить индивидуальные ячейки для стрельбы лежа. Теперь, прикрываясь брустверами ячеек, они вели плотный прицельный огонь, не пытаясь продвигаться вперед. Подстрелить их в ячейках значительно труднее.

Иванов прицелился из СВТ, дважды выстрелил, затем нырнул в окоп, прячась от густо хлестнувших по брустверу пуль. Переждал, затем снова высунулся и выстрелил. И едва не расстался с жизнью. Одна из пуль ударила по каске, слегка оглушив лейтенанта. Подняв слетевшую каску, увидел справа повыше виска длинную горизонтальную борозду, прочерченную пулей.

«Повезло, — подумал Василий, — на два сантиметра левее — и каюк!»

Посмотрев на связного, увидел, что тот лежит на боку. Подполз к нему, перевернул и увидел дырку в каске на лбу.

— А Пахомову не повезло, — ему наконец вспомнилась фамилия третьего номера ДШК.

Грохнули четыре минометных разрыва. Младлейглянул за бруствер на опушку леса, но ничего не увидел. На этот раз немцы, видимо, установили свои минометы за кустами. Поскольку немцы на правом фланге не переползали, Василий сделал вывод, что они будут атаковать

с тыла. При поддержке минометов и пулеметного огня с флангов. Значит, нужно было перемещаться на тыловую сторону к Власенко. Закинув за спину автомат, Василий засунул две гранаты в карманы галифе, две лимонки взял в руки и пополз.

Когда он добрался до внутреннего окопа, с тыла донеслись частые разрывы гранат. Бойцы Дементьева вступили в ближний бой. В дворике ДШК обнаружил разбитый миномет и посеченный осколками расчет. Прямое попадание. Разрывы немецких мин между тем прекратились.

Выглянув за бруствер, Иванов увидел в дыму набегающих с тыла немцев. Они уже перепрыгивали внешний окоп. Дав длинную очередь во весь рожок, он бросил в них все свои четыре гранаты. И быстро пополз к дзоту. На левом фланге застучал «дегтярев». Это бронбойщик, поняв, что дело плохо, вылез из блиндажа и встретил немцев огнем. Отстреляв диск, «дегтярев» смолк.

«Неужели все погибли?» — мелькнула мысль. Гранатных взрывов больше не было слышно. Только автоматы трещали. Проскочив одну за другой три воронки, Василий подполз справа к продолжавшей плевать огнем амбразуре «максима».

— Васильев! Это я, Иванов, — прокричал он в амбразуру. — Уберите «максим», я влезу в дзот!

Очереди прекратились. Выждав пару секунд, Василий нырнул в амбразуру. Прислушался. Стрельба наверху стихла.

— Плохо дело, парни. Фашисты захватили опорный пункт. Весь взвод погиб, — сообщил младлей смотревшим на него с ожиданием бойцам. — Не ссыте! Мы еще повоюем! — прокричал Василий, увидев побледневшие лица бойцов. — Васильев! Что с патронами?

— Для ДШК патронов еще полно, для «максима» меньше, но тоже пока есть.

— Гранаты есть?

— Гранат пять ящичков «лимонок», два ящичка РГ и два противотанковых, — доложил сержант.

— Живем! Что со связью?

— Связи нет. Наверное, опять антенну перебило.

— «Максим» на место, — скомандовал лейтенант, — гранаты поднимите снизу наверх. — Боец Заикин! Боец Дудко! — обратился он ко вторым номерам пулеметных расчетов. — Смотрите за мной!

Взяв в руки гранату «Ф-1», Иванов громко отсчитал до пяти, затем выдернул чеку, отпустил рычаг запала, отсчитал до трех и выбросил ее в правую амбразуру. Граната почти сразу грохнула. Взял вторую, досчитал до десяти, выдернул чеку, отпустил рычаг, досчитал до трех и бросил в лобовую амбразуру.

— Вот так и действуйте. Отсчитывайте любое число от десяти до двадцати. Выдергиваете чеку и отпускаете рычаг. Затем считайте до трех и бросайте. Только не бросайте в обе амбразуры одновременно.

Снаружи послышались недовольные крики немцев. Затем перед амбразурами разорвались сразу несколько гранат, потом еще и еще. О щиток ДШК ударился осколок. Коверкая слова, какой-то фашист прокричал:

— Рус! Сдавайся! Плен. Каршо! Граната, амбразура, тебя убивать!

В ответ из дзота вылетела еще одна граната. От немцев — еще с десятков. Поскольку немцы кидали гранаты с большого расстояния и из «мертвых зон», попасть гранатой в амбразуру они никак не могли, а осколки попадали в щитки пулеметов. Какой-то немец попытался подползти по окопу и бросить гранату прямо в амбразуру, но его срезал из «максима» бывший начеку первый номер. Настроение у бойцов поднялось. Такая «игра» продолжалась минут десять.

— Товарищ лейтенант! Посмотрите! — позвал сержант Васильев.

Иванов посмотрел в лобовую амбразуру и очень удивился. Из дальнего леса выдвинулась колонна автомашин. Взяв у Васильева бинокль, Иванов насчитал 12 грузовиков. На шести передних ехали солдаты, шесть последних везли штабеля бревен.

— Похоже, фашисты едут мост ремонтировать, — с искренним изумлением проговорил Василий. — То ли они думают, что у ДШК патроны кончились, раз мы по санитарам не стреляли, то ли немецкий комбат доложил в штаб, что опорный пункт полностью захвачен? — вслух размышлял младлей. — Васильев! Давай коробки с зажигательными! По грузовикам будет в самый раз!

Последнее предположение младшего лейтенанта было правильным. Штаб немецкой дивизии, получив ретранслированный из полка доклад командира батальона о взятии опорного пункта, не обратил внимания на уточнение: кроме одного полуразбитого дзота. Командир дивизии очень хотел как можно быстрее приступить к ремонту моста и дал команду выдвигать полроты саперов, уже подготовивших все необходимое для ремонта.

Колонна грузовиков двигалась вперед, не обращая внимания на доносившиеся со стороны опорного пункта разрывы гранат. Метров за шестьсот грузовики остановились. Видимо, командовавший саперами офицер решил все-таки выяснить причины гранатной канонады.

Дистанция для крупнокалиберного пулемета была убойной, а остановившиеся грузовики — превосходной мишенью. Упускать такой момент было грешно.

— Огонь! — скомандовал Иванов.

ДШК затрясся на станке, заглатывая ленту. Длинная тراسсирующая очередь хлестнула по передним грузовикам, выметая саперов из кузовов. Те, как зайцы, выпрыгивали через борта и разбегались по кюветам. Когда все уцелевшие немцы залегли, Васильев стал поливать, как из шланга, грузовики. Одну за другой отстрелял три лен-

ты. Через несколько минут все грузовики весело полыхали.

Все это время пехота забрасывала дзот гранатами, по-прежнему без всякого вреда для бойцов Иванова. В ответ из амбразур вылетали гранаты, удерживая немцев на дистанции.

После расправы над саперами возобновилась вялая переброска гранатами. Сдаваться в плен немцы больше не предлагали. Василий спустился вниз, продиктовал радисту донесение и приказал передать сообщение морзянкой в надежде, что в батальоне услышат передачу через огрызок антенны. Затем занялся уничтожением документов.

Мощный взрыв потряс дзот до основания. Немецкие саперы заложили 15 килограммов тротила у левого заднего угла дзота, где земляную обсыпку сруба снесло близким разрывом четырехдюймового снаряда. Бетонную плиту взрывом сдвинуло на полметра вперед и вправо. Угол наружного сруба и глиняно-каменную засыпку между срубами разметало в стороны. Весь внутренний сруб перекосялся вперед и вправо. Толстые доски обшивки обеих амбразур треснули и провисли. Все находившиеся в боевом отсеке получили тяжелую контузию.

Входную дверь сорвало с петель и бросило на люк, ведущий в нижний отсек. Иванова и радиста в нижнем отсеке тоже контузило. Подойдя с опаской к дзоту, немцы забросили в амбразуры четыре ручные гранаты и две противотанковые. Осколки убили наповал четырех контуженых бойцов. В нижний отсек гранаты и осколки не попали. Спасла толстая и тяжелая дверь. Лезть в дзот немцы не рискнули, потому что треснувшие доски обшивки амбразур могли обвалиться в любой момент.

В 17 часов 50 минут командир 2-го батальона майор Граас доложил в штаб 215-го полка, что «проснувшийся» русский дзот окончательно подавлен. В 18:30 два саперных взвода приступили к восстановлению моста и насыпи.

Примерно в 20:40 радист Петр Лукашенко очнулся в нижнем отсеке дзота. Еще через полчаса ему удалось привести в чувство младшего лейтенанта Иванова, у которого это была уже третья контузия за день. Около 22 часов им удалось общими усилиями отодвинуть упавшую дверь с люка и выбраться в боевой отсек. Оба пулемета были неисправимо повреждены осколками. Иванов принял решение не ввязываться в бой, а ждать темноты и уходить к своим.

При разминировании территории опорного пункта саперы нашли и взяли в плен двух легкораненых и контуженых бойцов взвода, засыпанных землей при разрывах снарядов. Других пленных не было. Во время последнего штурма пехотинцы, обозленные сопротивлением, добились всех раненых. Все уцелевшие блиндажи, включая блиндаж с тяжелоранеными, закидали гранатами. В 22:45 саперы восстановили мост. Подразделения 122-й дивизии начали движение на Юрбаркас.

В 24 часа, когда окончательно стемнело, Иванов с Лукашенко выбрались из дзота через лобовую амбразуру. По дороге через мост непрерывным потоком двигались машины и повозки. Однако на территории опорного пункта охранения не было. Они отползли по дну лога вдоль речки примерно на два километра вверх по течению, затем повернули на север к Неману.

После долгого ожидания им удалось пересечь автодорогу Шакяй — Юрбаркас в небольшом промежутке между непрерывно следовавшими по ней подразделениями немцев. Перед рассветом они вышли к Неману и переплыли его на бревне. В 7 часов утра они благополучно добрались до опорного пункта их собственного полка у поселка Гирджай в десяти километрах севернее Юрбаркаса.

К концу дня 23 июня Иванов с Лукашенко оказались в медсанбате своей 133-й стрелковой дивизии, где 24 июня, по рекомендации командира дивизии, с ними перегово-

рил заезжий корреспондент центральной армейской газеты «Красная звезда» Кирилл Симонов. 26 июня очерк о боевых действиях гарнизона был опубликован в Красной звезде. В итоге вместо ордена Красного Знамени, к которому Иванова представил командир полка, 28 июня младшему лейтенанту неожиданно присвоили звание Героя Советского Союза. Как говорили, представление подписал лично главнокомандующий западным направлением товарищ Жуков.

Такое же звание посмертно было присвоено Петрову и Сидорову. Лукашенко получил орден Красной Звезды. Все младшие командиры гарнизона посмертно получили ордена Красного Знамени, а рядовые бойцы — медали За отвагу. После войны Кирилл Симонов написал «Повесть о малом гарнизоне», сокращенный вариант которой изложен здесь.

* * *

Упорная оборона опорного пункта усиленным взводом младшего лейтенанта Иванова задержала продвижение передовых отрядов 122-й пехотной дивизии на 5 часов. Подрыв моста через Йотию задержал продвижение главных сил дивизии на 6 часов.

Гарнизон практически полностью погиб. Из 70 человек уцелели только шестеро раненых и четверо ездовых, эвакуированных после первого боя, и младший лейтенант Иванов с радистом Лукашенко, сумевшие пробраться к своим. Двое раненых бойцов попали в плен.

215-я немецкая пехотная дивизия при штурме опорного пункта понесла тяжелейшие потери, несоизмеримые с потерями гарнизона. Из трофейных архивов дивизии, захваченных в конце войны, следовало, что дивизия потеряла 295 человек убитыми, 377 ранеными и 6 пленными.

На преодоление первой и второй линии опорных пунктов батальонного оборонительного района дивизия за-

тратила 20 часов, продвинувшись за сутки всего на 14 км. За первый день боевых действий пехотная дивизия потеряла 2154 человека, из них 780 убитыми, 1360 ранеными и 14 пропавшими без вести.

Гарнизоны опорных пунктов первой и второй линии потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 554 человека. Столь высокие, в сравнении с обороняющимися, потери атакующей стороны были вызваны стремлением передовых отрядов пехотной дивизии как можно быстрее захватить мосты, не дожидаясь подхода дивизионной артиллерии.

Ценой тяжелых потерь передовым отрядам 122-й дивизии удалось к исходу дня 22 июня выйти к Неману. Попытка с ходу захватить автомобильный мост провалилась, натолкнувшись на оборону сильного передового укрепления.

Глава 2

АЭРОДРОМ ВЕРТИЛИШКИ

15 километров восточнее Гродно

Косые лучи выглянувшего из-за горизонта солнца озарили аэродром. Отразились от больших выкрашенных серебрянкой цистерн с горючим, до половины вкопанных в землю у западного края взлетно-посадочной полосы. Забликовали на металлических плоскостях громадины ТБ-3, стоявшего у восточного края аэродрома. Осветили две линейки истребителей, выстроившихся вдоль длинных сторон ВПП: 25 самолетов по северной стороне и 25 — по южной.

Утренний ветерок лениво развеивал красный флаг, поднятый над длинным дощатым бараком, в котором размещались штаб и склады, слегка колыхал скаты больших армейских палаток, стоявших в два ряда вдоль опушки

близкого леска. На всем аэродроме бодрствовали только зенитчики и охрана.

Батарея из четырех 23-мм зенитных автоматов замаскировалась у западного края ВПП, за цистернами с горючим. Вторая батарея из трех 37-мм автоматических пушек размещалась в кустах за ТБ-3.

В 4 часа 22 минуты в небе на западе показались черные точки. Командиры батарей в бинокли насчитали 18 приближающихся самолетов. Вскоре они опознали силуэты пикирующих бомбардировщиков Ю-87, характерные неубирающимися шасси. Прикрытые обтекателями колеса походили на торчащие вниз ноги, обутые в лапти. «Юнкеры» подходили двумя девятками на высоте 1500 м. За четыре километра обе девятки перестроились в две параллельные колонны. В двух километрах от аэродрома ведущие эскадрилий начали снижение, переходя в пике.

На дистанции 1200 м первая батарея открыла огонь¹. Каждую колонну обрабатывали две пушки поочередно, переноса огонь с самолета на самолет через одного. Ленты снаряджались только осколочными снарядами контактного действия без трассеров, чтобы не демаскировать при стрельбе пушки, тщательно укрытые в низкорослом кустарнике. Немецкие пилоты и не замечали, что попали под обстрел, пока в двигатель третьего самолета правой колонны не врубился снаряд. Не выходя из пике, самолет врезался в полосу и взорвался на собственных бомбах.

Опытные асы 2-й авиагруппы 4-й бомбардировочной эскадры пикировщиков, ветераны французской кампа-

¹ Действовавшие в предвоенное время инструкции запрещали зенитчикам открывать огонь по самолетам — нарушителям границы. Аналогичные инструкции были и у летчиков-истребителей. Войска были задержаны постоянными требованиями командных инстанций «не поддаваться на провокации!». В результате 22 июня зенитчики не открывали огонь, даже когда немецкие самолеты бомбили позиции батарей.

нии и битвы над Англией, не дрогнули и не свернули с боевого курса. Они пикировали четко вдоль линеек истребителей. Из подвешенных на бомбодержателях контейнеров на стоянки истребителей горохом посыпались мелкие бомбы.

Скорострельные зенитки молотили не переставая. В угон выходящим из пике самолетам ударили 37-мм автоматы. Замыкающий самолет левой колонны получил снаряд в правую плоскость и, лишившись крыла, беспорядочно закувыркался и взорвался при ударе о землю в километре от ВПП. На выходе из пике хвостовые стрелки засекли расположение пушек и обстреляли расчеты из пулеметов.

Уцелевшие «лапотники» сделали два широких круга, обходя аэродром на высоте 1800 м, не входя в зону поражения зениток. Экипажи уточняли расположение пушек, командиры эскадрилий распределяли цели.

Мелкие десятикилограммовые осколочные бомбы густо засыпали стоянки истребителей. Многие из них уже горели, остальные были посечены осколками.

Немецкие летчики знали свое дело. На второй заход самолеты пошли одновременно с разных направлений. На каждую пушку пикировал персональный бомбардировщик. Начались дуэли самолет — зенитка. Два курсовых пулемета бомбардировщика против автоматической пушки.

На этот раз зенитчики использовали трассирующие снаряды. Какие бы крепкие нервы ни имел пилот, как бы опытен он ни был, вид несущейся навстречу цепочки огненных шаров, каждый из которых может стоить жизни, давит на психику и мешает точно удерживать самолет на боевом курсе.

В таком же положении и зенитчики. С воем пикирующий самолет и бьющие вокруг орудия в землю пули отнюдь не способствуют сохранению хладнокровия.

Но пушка — оружие коллективное. Командир орудия дает поправки на скорость и угол пикирования, наводчик удерживает самолет в перекрестье прицела. Заряжающий втискивает кассеты со снарядами в приемник. Все номера расчета чувствуют поддержку товарищей, верят в авторитет командира. Как у нас говорят: «На миру и смерть красна!» А в остальном все зависит от госпожи удачи.

Бомбардировщики сбросили на зенитки по две пятидесятикилограммовые бомбы с внешней подвески.

Одно 23-мм орудие вместе с расчетом исчезло в фонтане фугасного разрыва, еще одна 23-миллиметровка получила осколочное повреждение противооткатного механизма и вышла из строя. Одна 37-миллиметровка была опрокинута и разбита близким разрывом, большая часть расчета погибла. Бомбардировщик, пикировавший на 23-мм зенитку, превратился в огненный шар из-за прямого попадания в подвешенную бомбу. Еще один был поврежден осколками 37-мм снаряда и ушел на запад, сильно дымя. По сообщению поста ВНОС, он сел на вынужденную в 33 км западнее Гродно, экипаж был взят в плен. В уцелевших расчетах 4 зенитчика были убиты и 12 ранены пулями и осколками бомб.

Остальные юнкерсы сбросили бомбы по штабному барaku, по ТБ-3, по бензоцистернам и по палаткам личного состава. Отбомбившись, немцы улетели.

Аэродром подвергся полному разгрому. Полыхали костром руины штабного барака, горели жилые палатки. Горели самолеты на стоянках.

Горели даже пустые цистерны из-под горючего. Очевидно, на дне цистерн сохранился какой-то маслянистый осадок, пары которого вырывались из пробитых пулями и осколками дыр и горели, густо коптя.

Истребительный авиаполк был выведен с аэродрома еще пять дней назад, дежурное звено улетело 21 июня. На стоянках остались только четыре списанные за ветхо-

стью И-15 и старый ТБ-3 без двигателей. Перед отъездом техники полка соорудили из жердей и брезента 46 примитивных макетов истребителей.

Из леса выбежали бойцы взвода охраны аэродрома и принялись за тушение макетов и палаток. Закончив с тушением, из брезента уцелевших палаток и жердей они быстро восстановили 12 макетов. Вместе с восемью уцелевшими после налета макетами через час вдоль аэродрома снова стояли 20 «истребителей». Пробитый десятками осколков цельнометаллический корпус ТБ-3 издали тоже смотрелся как новенький.

Прилетевший в 6 часов 12 минут немецкий корректировщик сфотографировал результаты налета. Донесение командира немецкой авиагруппы полностью подтвердилось. Пилоты 4-й эскадры имели законное право гордиться. Они уничтожили 30 истребителей, три зенитные пушки и разнесли все сооружения на аэродроме.

Немцы не досчитались четырех пикировщиков и десяти членов экипажей. Зенитчики потеряли безвозвратно две пушки, 14 артиллеристов погибли, 16 получили ранения.

Сразу после налета расчеты прицепили пушки к выехавшим из леса тягачам и перетащили их на заранее подготовленные запасные позиции по бокам ВПП. Расчеты орудий пополнили за счет взвода охраны аэродрома. Пехотинцы встали к орудиям за подносчиков и заряжающих.

Изучив фотоснимки, сделанные разведчиком, командование 4-й эскадры решило повторить налет, чтобы добить оставшиеся на аэродроме самолеты. Выполнение задачи поручили тем же двум эскадрильям пикировщиков, поскольку они уже знали структуру зенитной обороны аэродрома.

В 9 часов 23 минуты эскадрилья снова обрушилась на аэродром. Зафиксированные разведчиком истребители стояли на своих прежних местах, что было вполне понят-

но, ведь склад горючего был сожжен в предыдущем налете. На этот раз на каждую из пяти оставшихся зениток пикировали с разных сторон по два «юнкерса». Остальные четыре экипажа уничтожали самолеты на стоянках.

Дождавшись, пока бомбардировщики нанесут пулеметно-бомбовый удар по их старым позициям, где уже стояли заранее изготовленные макеты пушек, зенитчики обстреляли немцев при выходе из пике и наборе высоты. Еще два «юнкерса» пропахали зеленые лужайки возле аэродрома. Как и в первый налет, опытные экипажи быстро засекли новые позиции зенитчиков с безопасной дистанции, а затем атаковали. Каждую пушку штурмовали два самолета. Один из фашистов воткнулся прямо в ВПП, два ушли на запад, обильно коптя. По данным ВНОС, один из поврежденных бомбардировщиков сел на вынужденную, экипажу удалось скрыться. Одна 23-мм пушка вместе с расчетом погибла. Одна 37-миллиметровка получила повреждения. Всего при отражении второго налета погибло 12 и было ранено 18 бойцов. Немцы потеряли 4 самолета и 9 членов экипажей.

ТБ-3 от близкого разрыва бомбы потерял плоскость, все макеты истребителей сгорели. Ложный аэродром свою задачу выполнил полностью. Зенитчики похоронили погибших, привели орудия в походное положение, погрузили на тягачи батарейное имущество, раненых бойцов и отбыли на восток. К настоящему аэродрому.

Через 6 дней, когда немецкие пехотные части заняли Вертилишки, из боевого счета 4-й эскадры пришлось вычеркнуть 50 истребителей и 1 тяжелый бомбардировщик. Потери 4-й бомбардировочной эскадры оказались напрасными. Штурмывая пустое место, она потеряла 8 пикирующих бомбардировщиков Ю-87¹.

¹ В нашей реальности люфтваффе удалось нанести ВВС Красной Армии сокрушительное поражение и завоевать господство в воздухе в первый же день войны. По данным противника, уточненным нем-

Глава 3

БРЕСТ. КРЕПОСТЬ¹

Соснуть Гаврилову удалось только полтора часа. В полчетвертого Ивана поднял посыльный и вызвал на КП. Дежуривший Каменев сообщил, что с НП докладывают о прохождении с запада большой группы самолетов. Комполка рысью двинулся на главный НП². Прошел по потерне, по ходу сообщения, через пролом в фундаменте вошел в подвал церкви и единым духом взлетел на верхний этаж колокольни. Огляделся. Еще не светало. Прислушался. Где-то очень далеко и очень высоко гуде-

цами после подсчета поврежденных самолетов на захваченных советских аэродромах, в первый день они уничтожили на аэродромах 1489 и сбили в воздухе 322 самолета. За два первых дня потери самолетов составили, по советским данным, 3993 самолета. Фронтовая авиация Прибалтийского, Западного и Киевского округов была практически уничтожена за два дня. Запредельно высокий уровень потерь объясняется целым рядом грубейших ошибок командования РККА. Так, вся фронтовая авиация располагалась скученно на ограниченном количестве аэродромов вблизи границы. Многие авиаполки имели двойной комплект самолетов: старые И-16, И-153 и новые МИГ-3, ЛАГГ-3, которые еще не были освоены экипажами. Штатное зенитное прикрытие аэродромов не было предусмотрено вообще. Маскировка и рассредоточение самолетов не выполнены. Из-за полной потери связи управление авиачастями было утрачено. Как следствие — вывод и рассредоточение уцелевших после первого удара самолетов не организовано. По этой же причине служба ВНОС не могла предупреждать авиачасти о подходе вражеской авиации. Множество практически исправных самолетов было брошено на аэродромах при отступлении из-за уничтожения складов горючего и отсутствия его подвоза.

Исключением являлся Одесский военный округ, где все необходимые мероприятия были проведены командованием 21 июня. В результате авиация округа потеряла 22 июня только 23 самолета (3 % парка), да и то большей частью в воздушных боях.

¹ События, посвященные обороне Брестской крепости в альтернативной реальности «Боевого 41 года», подробно описаны в книге Виктора Старца «Крепость», АСТ, 2021.

² НП Гаврилова находился на колокольне крепостной церкви. С колокольни берега реки Западный Буг просматривались на 6 км вверх по течению до форта «З» и на 4 км вниз по течению до форта «А».